

Манера

МАССНАТО

ДЛЯ ДЖИММИ

12+

Манефа Macchiato для Джимми

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66679768

SelfPub; 2021

Аннотация

Её неустроенная поначалу заграничная жизнь наконец озарилась спокойствием семейного очага, пока неожиданная встреча в кофейне не обожгла её душу, как глоток горячего кофе. Жизнь оказалась разованной на две половинки: вернуться к спокойному прошлому или ринуться с головой в неизвестное настоящее кажется одинаково невозможным. Сделать выбор помогает сама судьба.

Манефа

Macchiato для Джимми

Октябрьские листья сыпались с неба золотистой чешуёй. «Будто где-то на небесной кухне хозяйка-судьба безжалостно скоблит золотую рыбку и стряхивает чешуйки на землю, – подумала Неллочка, – какая же я всё-таки образная! Этого у меня не отнимешь!» Неллочка вылезла из машины и, не закрывая двери, посмотрела наверх. Листья-чешуйки появлялись ниоткуда, как дождевые капли, из сырого осеннего пространства, уходящего ввысь к разбухшим от влаги облакам. Чешуйки падали на Неллочкин плащ, на волосы, на сумочку и даже прошмыгнули через открытую дверь в салон машины. Самым неприятным было то, что чешуйки бесцеремонно налипали на Неллочкины чёрные остроносые туфельки, похожие на две крысиные мордочки («Такие деньги и было бы за что!»), и своим жёлтым цветом расстраивали весь наряд, который Неллочка так старательно продумала ещё с вечера. Утром она сорок минут воплощала свои задумки перед зеркалом, из-за чего в спешке не докрасила правый глаз и забыла зонтик. По вторникам Неллочка работала с обеда, но торопиться надо было в любом случае – к девяти утра на дороге образовывалась такая пробка, что в центр удавалось попасть только к полудню. Каждый вторник, еле-еле продвигаясь в

длинной веренице машин, Неллочка представляла себе, как её драгоценные нерабочие часы рассыпаются на минутки и осенними листьями остаются лежать на мокром дорожном асфальте.

Но сегодня, ещё выбегая из дома под дождь с недокрашенным правым глазом и без зонтика, Неллочка решила сражаться за своё время и во что бы то ни стало отвоевать свои часы у этого сырого города с его скользкими дорогами, бесконечными пробками и промозглым дождём. Неллочка запрыгнула на сиденье машины и, не пристегиваясь (сэкономила две секунды – раз!) и не проверяя в водительское зеркальце, как накрашен левый глаз (сэкономила ещё несколько секунд – два!), лихо выехала из гаража и рванула по тихой улице в направлении автострады. Старушка-соседка, вернувшаяся в этот момент с ежеутренней прогулки, уже стояла на обочине и, приветливо улыбаясь, ждала, когда Неллочка притормозит. «Нет уж, бабушка, дудки! – сказала себе Неллочка, – сегодня вторник мой!» – и на недозволенной скорости пронеслась мимо шокированной бабульки, скользнула на повороте, прошмыгнула между двумя фургонами, проехала пару раз на красный свет, выскочила на автостраду I-95 и победительницей сразу встала в средний ряд, ещё неплотный, идущий прямо в центр. Надвигающаяся на город бесчисленная армия машин осталась позади, как раз на расстоянии нескольких минут, которые Неллочка выиграла на недокрашенном глазе, превышенной скорости, двух

светофорах и оставленной на обочине старушки в ступоре. «Победила!» – с облегчением выдохнула Неллочка и, сровняв свою скорость с потоком машин, мягко покачиваясь, понеслась в город, в сторону набережной, к старой водонапорной станции...

Добравшись до места, Неллочка с радостью обнаружила, что её любимый пяточок на парковке под деревом был ещё не занят. Неллочка всегда ставила машину под этим деревом, большим и красивым, как самолёт. Это была её маленькая традиция – выйти из машины и сказать: «Ну, здравствуй, дружище!», а потом, независимо от погоды, посмотреть на небо – как там, на небесной кухне у хозяйки-судьбы? Мда. Мокро и скучно. Несмотря на то, что дождь перестал, дождевые облака продолжали упрямо висеть над городом, не пропуская ни единого солнечного лучика. Неллочка представила себе, как солнце, словно слепой котёнок, тычется в облачную стену, пытаясь найти хоть какую-нибудь лазейку и выглянуть наружу.

Октябрю в здешних местах было совершенно нечем похвастаться перед другими собратями-месяцами. Разве что листьями, сыпавшимися с неба золотистой чешуёй, которую хозяйка-судьба соскабливала с золотой рыбки... «Тьфу ты! – подумала Неллочка, – привязалось! Лучше пойду внутрь, а то совсем пожелтею, как курица!» И остроносые мордочки Неллочкиных туфелек заторопились к старой водонапорной

станции.

Станция на самом деле была не станцией, а кофейней. Такие места здесь появились несколько лет назад, когда на город ливнем хлынул модный стиль урбанизации. Популярными стали кафешки и ресторанчики, которые предприимчивые владельцы пооткрывали в заброшенных, но ещё добротных, вышедших из бизнеса маленьких фабриках и заводах, старых складах, ангарах и даже водонапорных станциях. За считанные дни рядом с такими постройками асфальтировалась парковка для машин, в зияющие проёмы окон вставлялись тонированные стёкла, а массивная дверь заменялась на лёгкую с удобной ручкой и навесом от солнца. Потом бригада шустрых рабочих тщательно, до последней крупинцы, вычищала из будущего ресторанчика фабричный, заводской или складской мусор, выветривая гигантскими вентиляторами и высасывая огромными пылесосами все до единой пылинки прошлого. Когда, наконец, помещение становилось готовым к новой жизни, в него, как зверя в клетку, запускали Дух большого города – причудливый гибрид из домашнего уюта и промышленного колорита, который встречал посетителей миниатюрными столиками и огромными потолками, грубым кирпичом стен и гладкой белизной кофейных чашек, голым каменным полом и подушками на плетёных креслах, и воздухом, одновременно пахнувшим извёсткой и эспрессо.

Вот в такую кофейню, которая в прошлой жизни была водонапорной станцией, и направлялась Неллочка. Внутри её

должна была ждать Капка, Неллочкина сумасшедшая приятельница, худосочка с намеком на бюст (бюста действительно было так мало, что когда Капка надевала обтягивающий топик, то казалось, что спереди у неё спина, а сзади в виде лопаток проклёвываются грудки), не женщина, а судорога, которая спазматически действовала на всех окружающих. Капка была помешана на холестерине, астрологии и фитнесе, а больше всего, на конфликтах с примитивной свекровью и завистливой золовкой. От этих помешательств, едва появившись в какой-нибудь компании, Капка обрушивалась своими рассказами и жалобами на всех знакомых и незнакомых людей. Забыться от Капкиных рассказов можно было, только укусив себя изо всей силы за мизинец, как при настоящей судороге.

Неллочка не любила Капку, но обожала традиции. Кофе по утрам в один и тот же день недели, с одним тем же круасаном, за одним и тем же столиком у стены, в одной и той же кофейне на месте бывшей водонапорной станции... А судорожная Капка, как ни странно, была единственной из Неллочкиных приятельниц, которая прилежно выкраивала лоскуток времени из своей взвихрённой жизни и с подкупающим постоянством приходила в кофейню каждый вторник.

Войдя в кофейню, Неллочка огляделась. Слава Богу, Капки ещё не было. Неллочка села за свой традиционный столик в левом углу у стены, откуда хорошо просматривалась входная дверь – Неллочке надо было вовремя перехватить Кап-

ку, прежде чем та помчится искать Неллочку в противоположный угол. Несмотря на бесчётное количество вторников, проведённых в кофейне, бестолковая Капка никак не могла усвоить, что у Неллочки традиция и что она всегда садится за один и тот же столик у стены. Каждый вторник, когда Капка футбольным мячом влетала в кофейню, она сначала роняла либо зонтик, либо шарф, либо очки от солнца, в зависимости от сезона, потом судорожно оглядывалась, будто соображая, куда её занесло, а потом в панике мчалась в противоположную от Неллочкиного столика сторону. На первых порах Неллочке хотелось одного – убить Капку прямо в кофейне, но потом она решила относиться к этим утренним «догоняжкам» тоже как к традиции и ей стало легче.

За столиком Неллочка достала тушь и зеркальце. Аккуратно подкрашивая правый глаз, который она не успела довести до совершенства дома, Неллочка не забывала осматривать традиционный набор утренних посетителей кофейни. На низеньком диванчике у батареи, клопоча открытым ртом, спал панк. За столиком ближе к двери, как высохшая на солнце ящерица, уже чахла над разложенными бумагами и чашкой кофе юристка. От том, что ящерица была юристкой, Неллочка узнала от Капки, которая раз в три месяца обращалась к специалистам за консультацией, чтобы развестьсь, но постоянно откладывала эту затею на будущее. Ящерица-юристка была немолода и по её лицу было видно, как она отчаянно сражается со старостью и как отчаянно про-

игрывает это сражение. От многочисленных омолаживающих процедур кожа у неё выглядела ухоженной и морщинистой, как у той дорогой кожаной сумки, которую Неллочка несколько лет назад купила на распродаже и часто протирала оливковым маслом в надежде продлить сумке жизнь.

С юристки Неллочка перевела взгляд на входную дверь, куда с хохотом уже вваливались три подруги, по всей видимости, молодые неработающие мамашки, которые только что спихнули своих чад на полдня в садик и теперь до обеда могли прятаться в кофейне от семейной жизни, притворяясь незамужними и бездетными, полными надежд и опьяняющих планов.

За стойкой, где вкусно пахло кофе и выпечкой, стояла дородная хозяйка кофейни, она же по соображениям бюджета и бариста, крупная и гладкая, как молодой кабачок. Бариста была приветливая, но очень невыспавшаяся (кофейня открывалась в шесть утра), и поэтому её лицо, блёклое, как луковица в супе, нарушало всю эстетическую яркость кофейни, исходящую от румяных круассанов, пронзительной белизны чашек и стального блеска кофеварок.

За столиком напротив неизменный утренний старичок шуршал свежей газетой. У него на голове под редким пушком волос просвечивалась бледно-розовая макушка, похожая на молодой картофель. Встретившись взглядом с Неллочким левым глазом (правый был не виден из-за зеркальца, которое Неллочка держала перед носом), старичок гармош-

кой растянул рот в дежурную улыбку.

– Доброе утро! Газету? – последовал ежеутренний вопрос.

– Спасибо, не надо, – традиционно ответила Неллочка.

Гармошка обиженно сложилась. Как всегда, Неллочка почувствовала себя неловко, как будто старичок в очередной раз предложил ей руку и сердце, а она опять отказала. Старичок, конечно, раздражал своей тупой любезностью, но, тем не менее, каждый вторник Неллочка ждала его вопроса, на который у неё уже был готов ответ.

«Хоть бы не помер!» – думала Неллочка каждую неделю, дергая за ручку кофейни.

Имени старичка Неллочка не знала, как, впрочем, не знала имён юристки, панка, баристы, названия породы дерева, под которым каждый вторник ставила машину, и точного адреса кофейни. Но все эти люди и предметы были частью Неллочкиного ритуала, неизменными составляющими её кофейной традиции, которой Неллочка следовала так скрупулёзно, как будто вывязывала замысловатый узор у кофточки для особого случая. От постоянства людей и предметов у Неллочке на душе становилось привычно тепло, как от глотка утреннего кофе-макиато с несколькими каплями ванильного экстракта, за который она каждый вторник аккуратно доплачивала 50 центов. Именно центов, потому что эта кофейня с её посетителями находилась в Америке.

Америку, в отличие от Капки, Неллочка любила. Во-первых, хотя бы уже за то, что Америке было всё равно, любишь

ты её или нет. Главное, чтобы ты платил налоги, не опаздывал на работу и не ездил с превышением скорости. А за такую гражданскую добропорядочность Америка щедро платила тем, что забывала о тебе, оставляла в покое и не донимала вопросами типа, что ты сделал для Родины и готов ли отдать за неё жизнь. Главное, Джонни, платить налоги, а уж на эти денежки Родина сама о себе позаботится!

Во-вторых, любить Америку Неллочке приходилось из-за физической с нею близости. Когда ты несколько лет ходишь по американской земле, пьёшь американский кофе и каждый вторник ставишь машину у американской кофейни под деревом, с которого, как золотистые чешуйки, на тебя падают американские листья, то привязываешься к этой стране и волей-неволей начинаешь чувствовать, если уж не сильную любовь, то, по крайней мере, лёгкую влюблённость. Неллочка вспоминала, как давно в школе на уроке физики им объясняли, что если два отшлифованных куска металла плотно прижать друг к другу, то поздно или рано их молекулы начнут взаимодействовать и через какое-то время куски нельзя будет оторвать друг от друга. То же самое и с Америкой. За несколько лет Неллочка припаялась к ней так, что, глядя на развевающийся звёздно-полосатый флажок над входом в кофейню, она уже не думала «на кой ... он здесь-то?», а, наоборот, мысленно здоровалась с ним, как с тем деревом. Неллочка приняла американский флажок в свою кофейную традицию и каждый вторник загадывала, каким он будет на

этот раз: висящим понуро или радостно трепыхающимся на ветру. Как встретит флажок – так и сложится день. Погода в здешних местах была ветреная и поэтому вторники у Неллочки неизменно складывались удачно.

Кроме вторников, так же удачно складывались четверги и пятницы, понедельники и субботы... И сегодня, как всегда, всё было просто замечательно: Неллочка проскочила в город до образования пробки на дороге, успела поставить машину под своим любимым деревом и теперь сидела в своей любимой кофейне, за своим традиционным столиком у стены, в предвкушении своего любимого кофе-макиато с несколькими каплями ванильного экстракта. Неллочка уже ощущала его пряно-карамельный привкус во рту и готова была в любую минуту бежать за ним вприпрыжку к непроснувшейся баристе за стойкой. И только мысль об опаздывающей Капке удерживала Неллочку на месте. Было как-то неудобно начинать кофепитие без сумасшедшей, но всё-таки приятельницы, которую Неллочка сама приручила к кофейне и утренней традиции по вторникам. Втянув Капку в кофейную зависимость, Неллочка чувствовала себя отчасти виноватой в том, что Капка, которой при её вулканической энергии кофеин был просто противопоказан, именно из-за Неллочки подсадела на макиато с ванильным экстрактом. В душе Неллочка оправдывалась, убеждая себя в том, что в Америке дружишь не с кем хочется, а с кем придётся и что выбираешь не ты, а иммиграционная служба, против которой, как против те-

чения жизни, не пойдёшь. И если уж эта служба распорядилась так, что Капка и Неллочка встретились в одном городе, то бороться с этим раскладом свыше было бессмысленно. И поэтому Неллочке ничего не оставалось, кроме того, как каждый вторник терпеливо вылавливать Капку из противоположного угла кофейни и сознательно обрекать себя на выслушивание Капкиных рассказов про заловку и свекровь.

Конечно, Неллочка могла разбавить Капкину компанию приятельницами поуравновешеннее, но после кофепития с Ариадной решила больше не экспериментировать. Как при отдельном питании Капку следовало ни с кем не смешивать. Как, впрочем, и Ариадну, эту красавицу, умницу и москвичку, которая постоянно находилась на грани замужества, но никак не могла эту грань переступить. На том единственном кофепитии с Ариадной сумасшедшая Капка, даже не выяснив, за кого Ариадна собирается замуж на этот раз, тут же стала горячо советовать, что с американцами лучше не связываться. Как клялась Капка, это всё равно что устанавливать контакт с инопланетянами, то есть, сигнал есть, а расшифровать невозможно. Не дав Ариадне раскрыть рта, Капка перескочила на «наших» и сказала, что уж раз Ариадна так хочет бракосочетаться, то ей лучше всего выйти замуж за русского иммигранта, но только не за бывшего москвича (потому что все москвичи, как известно, большие сволочи!), а за порядочного провинциала. На этой фразе красавица, умница и москвичка Ариадна подняла на Капку свои томные

глаза и сказала, что провинциал, это, конечно, хорошо, но «только учи его потом всю жизнь как правильно нож держать». На этой фразе томичка-Капка назвала Ариаднино отношение к провинциалам великомосковским шовинизмом, а самих москвичей снобами, которые убеждены, что цивилизация существует только в пределах МКАД, а за кольцевой вся страна живёт натуральным хозяйством и не расстаётся с деревянной ложкой. На этой фразе Ариадна вступилась за честь столицы и прошлась по периферии. Потом глубинке удалось отыгаться и Первопрестольной влетело по первое число. Как всегда, досталось и Америке за то, что «хорошо себе устроилась и живёт богато», а напоследок влетело Неллочке за дурацкую идею с кофепитием в такую рань!

С последним Неллочка была абсолютно согласна: то, что идея с кофепитием была дурацкой, Неллочка поняла раньше всех, когда в тоске наблюдала за умирающей струкой пара над своей кофейной чашкой, остывающей под шипение Капки и Ариадны. В тот вторник вместопряно-карамельного привкуса макиато у Неллочки остался кислый осадок обиды за неудавшееся кофепитие и тревога за традицию, которую Неллочка боялась потерять, как близкого человека.

После этого кофепития Неллочка перевела общение с Ариадной в телефонный режим, а вторники подарила Капке. И сделала это не потому, что уважала провинцию больше, чем столицу, а потому что любила традицию. В конце концов, Ариадна постоянно рисковала выйти замуж и неужи-

данно уехать, а Капка хоть и планировала свой развод, как стройку века, но всегда отвлекалась от намеченной линии и превращала разрушение ячейки капобщества в долгострой. И уже три отложенных Капкиных развода стали для Неллочки своеобразной гарантией того, что Капка никуда не денется и что Неллочкина кофейная традиция не исчезнет, как пар над остывающим макиато в то неудачное утро.

Капка, разумеется, всё истолковала по-своему и ликовала по поводу победы провинции: «Что, получила, фря московская?! Прискакала, понимаешь, в Америку из своей столицы! Да эти москвичи сюда табуном едут, будто Америка резиновая!» О себе Капка предпочитала говорить, что её в Америку «пригласили» (ну выслала же ей еврейская организация приглашение на выезд по линии мужа!) и она приехала культурно, а не нахрапом, как Ариадна, которая отправила пятьдесят шесть писем во всевозможные компании, пока её наконец не взяли простеньким программистом!

В знак благодарности Капка тоже пошла Неллочке навстречу и при всей своей непереносимости повторяющихся событий поклялась не пропускать ни одного вторника. От кофепития у Капки даже зародилась собственная традиция каждый вторник критиковать Неллочку за неизменный макиато, один и тот же круассан и традиционный столик у стены.

Других традиций Капка не признавала и каждый раз заболела душевно и физически, когда в её жизни появлял-

ся хоть какой-то намёк на постоянство: Капка устраивалась на одну работу и тут же начинала искать новую, собиралась покупать дом и уже прикидывала, как она будет его выгодно продавать, бегала к юристке за консультацией о разводе и мечтала поехать с мужем в Мексику следующей зимой. За каких-то несколько месяцев Капка уже успела купить в кредит новую квартиру (тип «евро-кондоминиум»!), сменить мебель, перекрасить кухню, а потом приложила все усилия, чтобы по крайней мере днём в этой квартире не появляться. Кроме йоги, массажа и фитнес-центра, которые Капка посещала с весны, постоянно бросая и снова записываясь, она решила заниматься латиноамериканскими танцами, пошла на курсы для желающих открыть свой собственный бизнес и вступила в грибной клуб.

Последняя организация была особенно примечательной. Благодаря ей и Капке, Неллочка узнала, что в Америке, оказывается, существуют грибы и, что ещё более удивительно, существуют желающие их собирать и даже есть. В отличие от американских рыбаков, которые, купив лицензию на ловлю и протомившись долгие месяцы в ожидании сезона, ловили рыбу, фотографировались с уловом и отпускали его обратно, грибники же уносили свой улов из лесу домой и хладнокровно пожирали его за ужином, предварительно сделав закладку в «Лесной энциклопедии» на случай вызова парамедиков из службы 911.

Кроме коллективных походов в лес, клуб устраивал еже-

месячные банкеты, на которых все без исключения блюда, даже мороженое, были приготовлены с добавлением грибов. Накануне сегодняшней встречи Капка так восторженно рассказывала Неллочке по телефону о своём новом увлечении, что Неллочка чуть было тоже не захотела присоединиться к грибникам. Но наутро, которое, как известно, и в Америке мудренее, Неллочка всё-таки решила сначала выяснить у Капки, подаётся ли на клубных банкетах к грибному мороженому кофе и из чего именно его варят.

А добравшись до кофейни, Неллочка уже твёрдо знала, что ни в какой клуб она вступать не будет. Во-первых, не было никакой гарантии, что очередной банкет не выпадет на вечер во вторник и что Неллочке придётся идти на работу с утра, чтобы вечером успеть на ужин к этим проклятым грибникам. Они ведь не понимают, что Неллочка не имела права жертвовать тем, что не принадлежало ей и что время по утрам во вторник было не её – оно принадлежало традиции!

А во-вторых... Неллочка вдруг вспомнила свою институтскую подругу, которая ненавидела грибников так же сильно, как заядлых туристов и прочих любителей дикого отдыха, и говорила, что, когда мужик рядом, она хочет, чтобы он за ней активно ухаживал, а не рассказывал о том, как он сплавлялся по реке Зырянке!

Итак, Капкина грибная провокация провалились. Неллочка облегчённо откинулась на плетёную спинку стула и мысленно похвалила себя за верность традиции. Неллочка, ко-

нечно, знала, что Капка обязательно будет уговаривать её пойти на собрание клуба грибников, оплатить одним чеком членские взносы за целый год, а на Неллочкины отказы начнёт её ругать за однообразие в жизни, за то, что все дни у Неллочки одинаковые, как кирпичи в кладке и что она вообще в своём “асфальте” скоро окончательно посереет. Неллочка и асфальт были любимой Капкиной мишенью, потому что Неллочка, если не сидела в кофейне, то работала в строительной компании, которая раз в два года проводила специализированную выставку под названием «Мир асфальта». На эту выставку со всех концов Америки съезжались профессионалы-строители, обсуждали новые смеси для покрытия дорог, заключали контракты с подрядчиками, любовались работой новых экскаваторов с увеличенным объемом ковша и посещали образовательный семинар под волнующим названием «Асфальт и его будущее». «Вот, – тыкала в рекламную брошюрку Капка, – даже у какого-то асфальта есть будущее, а у тебя?! Даже каким-то экскаваторам увеличивают объём ковша, а ты не можешь этого сделать с собственным бюстом!» («А ты со своим?!» – мысленно язвила Неллочка.) А Капку несло дальше, как на быстрой скорости по новому асфальту, про однообразие, про кирпичи в кладке и про Неллочкину активность дохлой кошки.

Понять, что Неллочка сознательно не хотела разнообразия, для Капки было так же трудно, как запомнить, за каким столиком они встречаются по вторникам. Капка отказыва-

лась верить в то, что за происходящим вокруг можно просто наблюдать, а не принимать в нём участия. «Подумать только! – мысленно ужасалась Капка, – ходить в одно и то же кафе, превратиться в жалкого кофейного зомби, чьей судьбой распоряжается дородная бариста, наливая тебе очередную порцию дымящегося счастья в пустую чашку!»

Несмотря на то, что Капка смирилась с Неллочкиными странностями по вторникам, она страдала от кофейного постоянства, как от астматического удушья. Капка в ужасе сознавала, что незаметно для себя она перешла на времяисчисление кофейными чашками и каждый вторник невольно подсчитывала, что четыре чашки – это уже пройденный месяц, а двенадцать – пустой кофейник и конец времени года, и что не успеешь оглянуться, как сможешь сосчитать количество кофейников, оставшихся до климакса. Последнего Капка боялась больше, чем болезней, терроризма и безработицы (хотя сама и не работала!) вместе взятых. Чтобы не думать о грядущей катастрофе, от которой никому ещё не удалось спастись, Капка носилась по городу, залетая во все шумные и людные места и продлевая себе ощущение жизни до позднего вечера, когда уже нельзя было не возвращаться домой, в дорогую недавно купленную квартиру (тип «евро-кондоминиум»), из которой Капка сегодня-завтра собиралась переезжать. В квартире Капка заземлялась до рассвета, а утром опять вылетала на улицу, как упрямый осенний лист, который веником вымели из прихожей. Капке казалось, что если

она задержится дома на полчаса дольше обычного, то любой из квадратных футов в её евро-кондоминиуме, за который она ежемесячно выплачивала немалые деньги, будет вправе задать ей по-английски один и тот же вопрос: «Чё ж ты всё носишься?! Ведь тебе уже не двадцать пять!» Обидным было то, что на этот вопрос (пусть даже воображаемый) Капка не знала ответа, но знала, что у всяких там “евро-кондоминиумов” аргументы будут только прибавляться: «...тебе уже не тридцать пять, не тридцать шесть, не тридцать семь...»

Поэтому по утрам Капка катапультировалась из дома раньше, чем все полторы тысячи квадратных футов успевали заметить Капкино исчезновение в гулком полумраке непроснувшейся квартиры. Вторым по счёту, кто не успевал засечь момент, когда Капка рассеивалась в предрассветном тумане, был её муж-программист (вроде программист, Капка особо не спрашивала!), который работал дома и рано не вставал, с которым Капка собиралась разводиться и у которого о разводе не было ни малейшего подозрения.

Из-за Капкиной насыщенной жизни программист уже пятнадцать лет не видел жену спящей в постели по утрам и был уверен, что у неё до сих пор, как в их студенческой молодости, при первом луче солнца начинают золотиться рыжеватые брови. Программист забывал, что времени, проведенного вместе, Капке вполне хватило, чтобы превратить эти брови сначала в тёмно-коричневые, потом в чёрные, а потом вообще ликвидировать с лица взамен на татуаж. Программ-

мист никогда не спрашивал, куда Капка уносилась в пред-рассветные часы: может, потому что не успевал спросить, а может, потому что понимал Капку с полуслова-полудвижения: на полный отчёт при Капкином расписании программисту рассчитывать не приходилось. А Капка, убежав из дома утром, вечером чувствовала себя вернувшейся из двухнедельной командировки – так много всего уже произошло, а ещё нет и четверга, и впереди ещё столько несделанного, неувиденного, неслышанного и надо бежать-бежать и не думать о грядущей катастрофе, о летящих годах и о выпитых за них кофейных чашках.

С программистом бездетная Капка прожила несусветное количество лет, по крайней мере, полжизни уже точно: первую – до отъезда, в которой она выходила замуж за близорукого, по-детски стеснительного и не по годам недотёпистого аспиранта-математика (вроде математика, Капка особо не интересовалась), и вторую половинку, текущую – уже в Америке, в которой бывший аспирант стал носить контактные линзы, осмелел, погрузнел и с годами поскушнел так, что Капка порой начинала верить в своё второе замужество. Ей казалось, что её первого мужа, того застенчивого математика, просто не выпустили за границу и его пришлось бросить на таможне, как лишний чемодан. И если у Капки на новой родине появлялась хоть какая-то ностальгия, то была она не по березкам и баранкам, а по тихому математику, который по молодости поддерживал все Капкины начинания

и, как послушный телок, ходил за Капкой то на танцы, то на спевки, а то и на лекции о лечебном голодании по Полю Бреггу.

За такую преданность Капка простила математику всё: и стеснительность, и близорукость, и даже раннюю проплешину; а однажды, после трехчасового пантомимического спектакля, который математик высидел до полуночи накануне ответственной конференции, Капка объявила ему, что выходит за него замуж (в конце концов, как порядочная женщина, она не могла не отдаться мужчине за такое средневековое постоянство и за беспримерную моральную выносливость – в отличие от математика, все остальные Капкины ухажеры не выдерживали ритма её жизни и отваливались, как сытые пиявки). Для деятельной Капки эта партия была идеальной, с чем совершенно не соглашалась Капкина мать. Ещё с начальной школы она проводила с дочерью

беседы о сильном плече, на которое, как мартышка, должна запрыгнуть каждая женщина, желательно до своих двадцати пяти. Внимательно слушая мать, Капка мысленно не забывала повторять себе, что от всякого сильного плеча начинается сильная рука, которая, уж если схватит и подведет к плите, то уже ни за что не отпустит ни на какие танцы, как это произошло в их семье. Капкина мать, с момента свадьбы ни разу никуда не сходявшая с подружками, прожила всю свою семейную жизнь в стойке «на старт-внимание-марш», в любой момент готовая к рывку на кухню и к прыжку к сти-

ральной машине по первому сигналу Капкиного отца. Поэтому, когда к концу институтской жизни каждая из Капкиных подруг решила для себя за какого мужика она хочет замуж, Капка точно определила для себя, за какого она не хочет – за такого, как отец, за сильное плечо, за каменную стену, за этот материализовавшийся призрак почти Синей Бороды, перед которым Капкина мать так и не разучилась трепетать.

Нужен был другой – податливый, нерешительный, безвольный, этакая тряпка –

не мужчина, а мечта, которого бы Капка лепила по образу и подобию своему до конца их дней. Аспирант-математик оказался именно таким. Он не шарахался от Капкиных идей, не возмущался и всегда безотказно шел туда, куда бы Капка его ни потащила. То ли ему было действительно интересно, то ли делал он это из-за большой любви, а может, как в цирке, послушно исполнял команды за лакомый кусочек. Кусочком был качественный секс, которым Капка добросовестно поощряла аспиранта после каждого культурного мероприятия. Понять математика было невозможно. Да и зачем? В данном случае был дорог не «пациент», а его «болезнь»... Для поддержания тонуса Капка поднимала математика в шесть утра и тащила на утреннюю пробежку, будила ночью и заставляла медитировать, увозила на сбор папоротника в лес и на другой конец города в молодежный театр, года за годом приучая мужа к непредсказуемости и ваяя из него, как из сырой глины, вторую сумасшедшую Капку.

Математик не перечил, Капка ликовала, так прошла её первая жизнь... Вторая началась тогда, когда родители аспиранта, к тому времени уже кандидата наук, вдруг вспомнили, что они в какой-то степени евреи и решили пожить в новом качестве: увлеклись соответствующей литературой, выучили еврейские праздники и вычислили текущий год по иудейскому календарю. Позже родительские увлечения зашли ещё дальше и, как говорила сама же Капка, «стариков потянуло на три буквы», то есть, на ПМЖ, ближе к своим, в Америку. На отъезд старики решились ещё и ради любимой дочери, незамужней сестры математика, Капкиной завистливой золовки, в надежде, что в Америке, где по статистике мужчин больше, «таки найдётся ненормальный идиот, который женится на их дуре». Последняя фраза принадлежала, естественно, Капке. Старики же утверждали, что раз Зиночка с самого детства зачитывалась Фолкнером и Драйзером, то ей сам Бог велел защититься в американском университете. На счёт Зинкиного увлечения Фолкнером у Капки тоже было собственное мнение, по которому эта дура вообще ничего не читала, а только круглые сутки парила морду над кастрюлей с календулой и удобряла кожу геркулесом.

Тем не менее, и старики, и Зинка в геркулесе подали документы на выезд. Сын засобирался с ними. Капка не возражала, тем более, что после нескольких лет совместной жизни, Капке стало казаться, что в городе её детства и студенчества она уже посетила все театры, выставки, салоны красо-

ты и кружки по интересам и была готова к освоению новой, пусть даже американской, культурной целины.

Документы к тому времени стали оформлять относительно быстро, и едва успев морально подготовиться к мысли об отъезде, Капка очутились в городе с кофейней на месте старой водонапорной станции. А потом всё пошло не так! То есть, очень даже хорошо, просто замечательно, но Капка чувствовала, что не так, хотя жаловаться, даже при большом желании, было не на что. Сразу нашли недорогого добросовестного репетитора – заговорили по-английски, удачно наткнулись на объявление в газете – купили машину с честных рук, потом сняли недорогую квартиру – и оказалось, что за воду и отопление дополнительно платить не надо, а когда мужа-математика всего через несколько месяцев после приезда взяли на постоянную работу в известную компанию да ещё оплатили ему дополнительные курсы по программированию, то Капка начала задумываться, чего уж она такого сделала в жизни хорошего и почему у них всё идёт так не по-иммигрантски гладко. Оказалось, не всё... Пока учили английский, покупали машину и утрясали финансовые дела, Капка, захлебнувшись в американском быту, дала слабину в надзоре за досугом мужа и в течение нескольких месяцев жизни в Новом Свете не вытащила супруга ни на один концерт. Этого времени оказалось достаточно, чтобы муж вкусил запретное спокойствие уик-эндов и привился к новокупленному дивану, как мичуринский черенок. Сдувшимся воз-

душным шаром муж осел на диванные подушки и уже никак не хотел взлетать по Капкиной команде. По началу, спохватившись, Капка пыталась вернуть всё назад, но оказалась бессильной – её послушный телок стал неумолимо перерождаться в упрямого быка. Капка не верила. Как?! Её родной недотепистый математик?! Этот детский пластилин, этот кусок сырой глины вдруг перестал поддаваться и окаменел, как булыжник?!

«Не доглядела!» – винила себя Капка и чтобы забыться, уносила мысли в беззаботное студенчество, а ногами в джазовый клуб. Семейная жизнь с программистом разветвлялась проселочными стёжками: Капка жила идеями, программист цифрами; Капка бегала, программист перешел в консультанты и почти не выходил из дома. По мере того, как американский труд делал из программиста человека, он не распрямлялся вертикально, как обезьяна на картинке из журнала «Наука и жизнь», а, наоборот, возвращался в горизонтальное положение, всё чаще и чаще устраиваясь на диване с ноутбуком на растущем животе.

Капка страдала и от этого носилась по городу ещё быстрее, убегая от возраста, климакса и от воспоминаний о молодом и послушном муже. Однажды Капку занесло на выступление гитариста-неудачника, которого не хотел пускать ни один приличный клуб. От отчаяния и невыплеснутой творческой энергии гитарист напросился играть по утрам в новую кофейню, открывшуюся на месте бывшей водонапор-

ной станции. Давая согласие на выступление, хозяйка кофейни, всегда невыспавшаяся дородная бариста, решила, что в утренней спешке под кофе пойдёт всё что угодно и что гитарная музыка только поможет посетителям изгнать из организма остатки сна. Гитаристу был обещан кофе в неограниченном количестве, а в случае увеличения кофе-продаж в течение двух недель – почасовая оплата за искусство.

В первый день выступления гитариста Капка влетела в кофейню, когда гвоздь программы уже допил свой бесплатный кофе и сидел на самом видном месте у стойки, натягивая гитарный ремень на плечо. Первой, с кем Капка встретилась глазами, была Неллочка за своим традиционным столиком у стены, у которой Капка громко и бойко спросила по-английски, когда начнётся концерт. Она так и сказала «концерт», чем страшно воодушевила гитариста. Неллочка ответила по-английски, что сейчас. Капка села за соседний столик и уже оттуда, подавшись всем телом вперёд, сообщила Неллочке громким шёпотом: «Я сразу подумала, что вы русская. У вас такой сильный акцент», – и тут же громко захлопала гитаристу, не дав Неллочке ответить.

После нескольких песен, когда гитарист сделал перерыв на вторую чашку кофе за счёт заведения, Капка сообщила Неллочке, как её зовут, а потом вкратце пересказала всю свою жизнь, начиная от деспота-отца и заканчивая перерождением мужа-программиста. Так в Неллочкиной жизни началась эпоха Капки.

С первого же дня знакомства Капка стала круглосуточно названивать Неллочке на мобильник и в самое неподходящее время жаловаться на судьбу, на мужа и разницу между «нами» и «ними»: что у нас, у женщин, эволюция в крови, мы постоянно развиваемся: худеем, красим волосы, меняемся вместе с модой, а них, у мужиков одна стагнация – достигнув определённого, они уже никуда не стремятся и любят свою передобеденную рюмку водки как в тридцать лет, как и в девяносто, если, конечно, доживают. Этой же темой Капка начинала каждое кофепитие по вторникам. Поэтому сегодня, поживаясь за столиком, впитывая в себя тепло кофейни и изгоняя из каждой частички тела ревматическую сырость после дождливой улицы, Неллочка уже знала, что как только реактивная Капка совершит посадку в плетёное кресло напротив, она тут же скажет что-то вроде: «Вот, вчера пришла от грибников, а этот сидит себе за компьютером, как... как царь зверей! – а потом без перехода добавит, – водолеи проклятые! Спелись!» Это уже про заловку и сверковь, которые, как специально, обе родились в феврале. Программист родился в январе, но тоже был водолеем, и поэтому Капка была уверена, что кроме такой страшной силы, как семейное родство, астрология тут была задействована неслучайно, а для борьбы с ней.

«У них стихия вода, а у меня воздух! – кричала Капка по вторникам, – я с ними не могу! Вот к юристке пошла, она спрашивает – какие основания для расторжения брака? Да

какие основания?! В воде дышать нельзя – вот и все основания! Надо разводиться!» Но разводиться было трудно, потому что с каждым годом в Америке крепче всяких любовных клятв Капку и программиста связывали совместный счёт в банке, кредит на две машины и моргидж (Капка всегда вкручивала это английское слово-монстр в русскую речь!). От благополучной безысходности Капка каждый вторник выплёскивала свои семейные горести прямо в Неллочкин кофе-макиато с ванильным экстрактом. Слава Богу, сегодня Капка запаздывала!

В ожидании подруги Неллочка убрала тушь и зеркальце в сумку и уже двумя полноценно накрашенными глазами снова принялась рассматривать посетителей, которых становилось всё больше и больше. У кофейной стойки образовалась очередь. Последними в ней стояли два бритоголовых чернокожих. Они торопились, нетерпеливо притопывали на месте и что-то энергично обсуждали, поворачивая друг к другу коричневые головы, похожие на гигантские кофейные зерна. Допив свой кофе и просмотрев до конца стопку бумаг, ящерица-юристка юрко выскользнула из-за столика и взбодрённая кофеином и чужими бедами с удовольствием направилась в офис расторгать очередной брак. На её место, как голубки на голову памятника, опустилась парочка голубых. Они сидели, держась за обе руки, не в состоянии разнять пальцы от нежности, и только смотрели на столик перед собой. На столике стояли две дымящиеся кофейные чашки и на одном

блюде лежали два символично спекшихся круассана, которых не разлепили, когда доставали из духового шкафа.

«Интересно, – подумала, Неллочка, – как же они будут есть?»

Неллочка любила наблюдать за американцами: как картинки в её старом букваре все

посетители кофейни жили своей самостоятельной жизнью, пили кофе и не обращали на Неллочку никакого внимания. Переводя взгляд с одного столика на другой, Неллочка перелистывала этот букварь, как ей заблагорассудится: то справа налево, то слева направо, а то подолгу не отводя взгляда от какого-нибудь столика, рискуя вызвать недовольство свободлюбивых американцев.

По своей натуре Неллочка вообще была наблюдателем и даже когда кого-нибудь слушала, то сначала рисовала в своём воображении картинку и их рассматривала, а уже потом вникала, чего от нее хочет собеседник. И если вся жизнь, как сказал Шекспир, это театр, а все люди в нём актеры, то Неллочку Бог создал зрителем. Ещё в детстве она часами могла смотреть, как соседские девчонки, прилепившись друг к другу на скамейке у подъезда, с энтузиазмом резали цветные лоскутки и без устали переодевали равнодушных кукол в самодельные платья. Своё увлечение Неллочка сохранила на всю жизнь и теперь, заехав на другой конец света, за тридевять земель, за много-много часовых поясов от соседских

девчонок и скамейки у подъезда, она с таким же детским увлечением разглядывала чужую иностранную жизнь.

Каждый раз наблюдая за американчиками, Неллочка невольно вспоминала, как она очутилась среди них, и чем отчётливее всплывало прошлое, тем труднее верилось в то, что совсем недавно непредсказуемого разнообразия в Неллочкиной жизни было столько, что этому позавидовала бы любая сумасшедшая Капка. Не так давно Неллочкина американская жизнь была похожа на безостановочный скоростной конвейер Генри Форда, состоящий из динамично сменяющихся нелегальных работ, дешёвых квартир, частных уроков, истекающих документов и чужих детей, за которыми Неллочка присматривала за наличные деньги. Соскочить с этого бешеного прогона мешала непонятная магическая сила: то ли жажда нового, то ли страх перед возвращением, то ли стыд за то, что не выдержала и сдалась на полпути. Будто приворотным зельем опоила Неллочку колдунья-Америка и не отпускала назад домой.

Под убаюкивающий гул кофейни Неллочка медленно перебирала карточный каталог собственной памяти – А, Б, В... А – Америка, В – виза и дальше до самого конца или, точнее, самого начала: Э, Ю, Я... Э – Элка, школьная подруга, с неё-то всё и началось. Сидя на уроке физики за одной партой вместе с Неллочкой, Элка думала вовсе не о кусках металла и не о том, что случится, если их плотно прижать друг к другу. Как неистовая, ещё со школьной скамьи Элка рвалась

из страны, мечтала уехать хоть куда-нибудь, причем необязательно на Запад, а только бы за пределы родины, которая довела до психушки ее отца. Будучи на сто пятьдесят процентов русской, Элка понимала, что историческая родина у неё находится как раз там, откуда она собирается свалить и что ни в какую другую страну по зову предков ей не попасть по той простой причине, что предки её никуда, кроме Урала, и не звали! Поэтому уже в студенчестве Элка решила влюбиться с умом, в надежде хоть с помощью замужества найти маленькую лазейку за кордон.

Подцепить иностранца в провинции была нелегко и поэтому Элке приходилось довольствоваться отечественными ресурсами, с которыми, увы, всё постоянно не складывалось: сначала ничего не получилось с сибирским немцем, который потенциально мог подать документы на выезд в Германию, но почему-то этого не делал. Потом появился один командировочный, энтический кореец, родившийся в Узбекистане и как назло Элке живший по принципу «где родился, там и содился». Потом был перспективный экономист, которого Элка уговорила уехать в Канаду по рабочей визе и который уехал, но без Элки.

Каждый разрыв Элка переживала с двойною болью: как женщина и как несостоявшаяся эмигрантка. Вдобавок Элка страдала от того, что очередной иностранный язык, который она интенсивно начинала изучать за большие деньги, опять не пригождался. В конце концов, не подвёл только один ев-

рей: он сделал Элке предложение, а потом честно вывез её через Израиль в Штаты. И уже оттуда, несколько лет спустя, хорошо устроившаяся и заскучавшая по отечественным проблемам Элка выслала Неллочке приглашение, чтобы продемонстрировать Новый Свет, а ещё больше – собственное благополучие.

Стоя в очереди в американское консульство, Неллочка с удивлением смотрела за окружающими, которые шептались, толкались, шуршали анкетами и постоянно пересматривали принесённые документы – все, как один, измученные общим страхом перед отказом. Неллочка стояла, прижавшись к стене, и удивлялась собственному безразличию. Еще утром она собиралась в консульство с мыслью, что идёт туда, только посмотреть, понаблюдать за своей судьбой, вложенной в тоненькую папку с документами, которую у неё выхватили быстрые и профессиональные руки в консульском окошке и принялись энергично листать, словно надеясь вытряхнуть оттуда Неллочкины тайны. И в тот день в очереди, и утром перед визитом в консульство, и накануне, на работе, заполняя в обеденный перерыв анкету на неиммиграционную визу, Неллочка не думала об Америке и не замирала ни от страха, что не получит визу, ни от радости, что, может быть, поедет за границу.

Утром дома на кухне, наблюдая, как в кофеварке по всем законам мироздания зарождается жизнь, сначала робко и нерешительно, а потом смелее и увереннее, Неллочка пойма-

ла себя на мысли, что ей хочется залезть в переполненный автобус и с двумя пересадками побыстрее добраться до консульства, чтобы посмотреть, как её жизнью будет распоряжаться судьба и как кто-то невидимый и всемогущий в консульском окошке укажет ей, что делать дальше и куда направляться по жизненному пути: в Америку или обратно к кофеварке на кухню.

Визу дали... А это означало, что ехать надо, потому что сама Америка шла Неллочке навстречу и протягивала ей путёвку в жизнь. Неллочке эта путёвка казалось неожиданно подаренным билетом на спектакль, который она не собиралась смотреть, но раз пригласили, то отказаться было неудобно.

«Нелка, ю!»— это было первое слово, а, точнее, буква “Ю”, обращённая к Неллочке на американской земле. Уставшая после долгого перелёта, Неллочка вздрогнула, начала смотреть по сторонам и только через несколько секунд поняла, что это было не русское «ю», а американское «you» и что это Элка уже по приобретённой привычке вопила по-английски из-за стеклянной стены, отделяющей прибывших от встречающих. «Nelka, you! Wow! I can't believe it!» Потом спохватившись, Элка переключилась на русский и ещё с большей силой завизжала на весь аэропорт: «Нелка, неужели это ты?!» «Я! – закричала Неллочка, – это я! Я приехала!» Но, как бабочку сачком, Неллочкин голос накрыла волна чужих при-

ветствий, гула аэропорта, объявлений диспетчера и торопливых шагов пассажиров, стремящихся поскорее вырваться из бетонной коробки на свежий американский воздух.

Погостив у Элки три недели, Неллочка исчерпала весь свой запас восторженных слов, которые Элка требовала постоянно, как камин дров. К концу своего пребывания в трехэтажном доме с подземным гаражом на четыре машины и огромным бассейном под окнами спальни, Неллочка растратила все до единой эмоции: не осталось ни восхищения, ни удивления, ни невольной зависти успехам подруги, ни ностальгии по школе, а только безумная усталость от достатка и пестроты Элкиной новой жизни. Как в детстве, Неллочке захотелось залезть в стенной шкаф и оттуда через щёлку наблюдать, как Элка и её муж будут бегать и искать свою гостью, чтобы всем вместе не опоздать на деловую встречу в ресторан. Встречаться предстояло с иммиграционным юристом по поводу Неллочкиных документов: с первого же дня Неллочкиного приезда Элка приняла твёрдое решение о невозвращении Неллочки назад и сразу начала разворачивать неуёмную деятельность, выискивая пути как оставить подругу в Америке. Устав от достатка, не работая и не имея детей, Элка сублимировала всю свою энергию на социально полезное дело, по которому она соскучилась за много лет сытой жизни.

В душе Неллочка понимала, что Элка не отпускает её до-

мой, чтобы подпитываться комплиментами и утверждаться в мысли, что брак с евреем и эмиграция вместе с ним стоили свеч. Но в своем эгоистическом порыве Элка была такой искренне увлеченной, что Неллочка решила не мешать, а только наблюдать за собственной судьбой, попавшей на этот раз в руки деятельной школьной подруги. Элка названивала в иммиграционное бюро, заполняла какие-то анкеты, ездила к юристам и будоражила всех русскоговорящих друзей, выясняя, кто из их родственников приехал, как Неллочка, по гостевой визе и забыл уехать назад.

Через несколько месяцев подружкиных стараний Неллочка уже училась водить Элкину старую машину, понимала кое-какие новости на английском языке и втягивалась в американскую жизнь, зарабатывая деньги всеми незатейливыми способами, к которым принято прибегать в Америке при истёкшей визе и отсутствии права на работу, то есть, бросаться на любые подработки, за которые платят наличкой из рук в руки, мало, но незаметно, за спиной у несведующей налоговой инспекции. Неллочка убирала дома, давала уроки русского языка, мыла в ресторане посуду, выгуливала древних старушек и сидела с чужими детьми. Последняя работа оказалась труднее всего – местные малолетки не слушались и, прекрасно понимая, что по закону малейший шлепок по попе будет чреват для Неллочки знакомством с полицией, бегали и орали, как голодные койоты.

Второй по трудности работой было преподавание русско-

го языка одному бодрому дедульке-пенсионеру с нездоровым, особенно для американца, интересом к языкам народов мира. Целью любознательного дедульки было ежегодное приумножение количества иностранных языков, на которых дедулька умел читать. О понимании на этих языках речь не шла. На первом уроке дедушка признался, что русские его совсем не интересуют и что, если честно, он их вообще не долюбивает ещё со времен войны во Вьетнаме. Поэтому дедушка настоятельно попросил найти для занятий произведение именно американского автора, но в русском переводе. По дедушкиному замыслу Неллочка должна была следить, как её престарелый ученик читает по-русски вслух, и исправлять его ошибки в произношении. Обрадовавшись лёгкой работе, Неллочка раздобыла у Элки растрепанный экземпляр «Великого Гэтсби», вышедший в издательстве «Иностранная литература» в 1960 году, и приступила к занятиям, даже не предполагая, какая мука её ожидает.

У чтеца-полиглота оказался громкий монотонный хрипяще-скрипящий голос и такое количество ошибок, что избавиться от них можно было только заставив дедушку замолчать. К тому же, когда Неллочка прерывала дедушкино чтение замечаниями, он раздражался и по пятнадцать минут доказывал, что как раз эту ошибку он не делал. К третьему занятию Неллочка решила молчать и не мешать дедульке наслаждаться звучанием собственного голоса на иностранном языке. Пока дедушка мнил себя бароном Брамбеусом,

Неллочка медленно впадала в кому от скрипучего монотонного акцента. В сознании Неллочку удерживала только одна мысль, что если её жизнь хоть немножечко наладится, то дедулька будет первым, кому Неллочка скажет «Good-bye!». Точно так же Неллочка думала, когда мыла посуду в кафе, бегала за орущими койтами и гуляла со старушками. Жизнь лучше не становилась: английский не лез в голову, старая машина ломалась постоянно, не хватало денег на оплату крошечной квартирки, куда Неллочка переехала от Элки через два месяца после приезда: во-первых, ей было неудобно так долго гостить за Элкин счёт, во-вторых, она устала от Элкиной опеки и ее ненасытного тщеславия, а в-третьих, Неллочку стала заботить масляная улыбка, которая появлялась на лице Элкиного мужа каждый раз, когда он встречался с Неллочкой по вечерам в гостиной после частых бизнес-командировок. Через некоторое время эту улыбку заметила и Элка и ради её исчезновения с лица супруга Элка была готова лишиться Неллочкиных ежедневных восторгов по поводу трёхэтажного дома, бассейна, Элкиной американской диеты, её знания английского и карьеры мужа, благодаря которой Элка и заполучила все эти заокеанские блага. Поэтому на Неллочкино решение найти собственную квартиру, Элка отреагировала положительно, объясняя своё одобрение тем, что самостоятельная жизнь только поможет Неллочке побыстрее полюбить Америку. При нескольких работах и низкой почасовой оплате наличными любовь давалась с трудом. Такой

же куцей взаимностью платила и Америка. По вечерам, пошатываясь от усталости после двух или трёх работ, Неллочка чувствовала себя соскочившей на полном ходу со скорого поезда, но ложась спать, она каждый раз заново привыкала к мысли, что на следующий день непонятная сила опять зашвырнёт её на этот поезд и что Неллочка будет мчаться, не зная куда и откуда, но главное вперёд, к какой-то неизвестной цели, которую она пока не понимала и не пыталась постичь.

Кроме усталости и финансовой скудности, изматывающим был постоянный страх, что Неллочку засекут на нелегальной работе. От самой Элки и её знакомых Неллочка прослышала о леденящих душу историях о каких-то проверках, которые сотрудники иммиграционной службы, якобы, проводят в кафешках и ресторанчиках под видом обычных посетителей, выискивая нелегальных работников, подлежащих депортации за нарушение закона. И хотя Неллочка знала, что самым страшным наказанием для неё будет обратный билет на родину за счет американского государства, она всё равно замирала каждый раз, когда чей-нибудь взгляд задерживался на ней больше трех секунд.

Элка звонила часто, подбадривала...

«По-тер-пи! – скандировала в трубку деловая подруга, – скоро полегчает! Через два месяца День независимости! Планы гран-ди-оз-ные!» Неллочка удивлялась, отчего ей должно стать легче, если Америка делается ещё на один год

независимее, но не спрашивала и продолжала мыть посуду, выгуливать старушек и присматривать за орущими детишками.

А потом появился Джимми... Неллочка увидела его 4-го июля, в День независимости, среди коллег Элкиного мужа, которых Элка не без умысла пригласила к ним домой на барбекю. Вариант с Джимми созрел у Элки за месяц до праздника, и чтобы не сглазить, Элка вдруг перестала говорить с Неллочкой о «грандиозных планах» и вела себя так, будто Америка снова стала Британской колонией и что для увеселения пропали все основания.

Неллочка догадывалась об Элкиных задумках, но делала вид, что ни о чем не подозревает и с полным равнодушием слушала, как Элка в очередной телефонный звонок повторяла по пять раз: «Ой, да что там за праздник, я не знаю! Просто посидим на свежем воздухе и всё. Яшка кого-то с работы пригласил...».

Подыгрывая Элке, Неллочка и сама верила, что радоваться нечему и поэтому за неделю до праздника с большой неохотой купила открытое летнее платье с разрезом от бедра, а накануне почти с отвращением сделала фруктовый салат из таких диковинных ингредиентов, которые никогда не покупала для себя по финансовым соображениям. Но вечером, ложась в постель, Неллочка все-таки улыбнулась завтрашнему дню, который должен был что-то изменить и в её,

Неллочкиной, судьбе...

Но чертова бабка все испортила! За этой проклятой восьмидесятипятилетней грищающей Неллочка присматривала за наличку и имела с её родственниками неофициальный договор о ненормированном рабочем дне. Дело в том, что старушка, на которую Неллочка вышла благодаря трем рекомендательным письмам от Элкиных солидных знакомых, была богата и щедра. Эти два достоинства, однако, сводились на нет одним простым фактом, что старушка пребывала в состоянии активного маразма, то есть, соображала мало, но подвижность любила и искала сиделку для развлечений, которая могла бы являться по вызову в любое время суток. Подкупала бабка оплатой: она платила Неллочке за двадцать четыре часа в сутки, но за это, как Мефистофель, имела право распоряжаться Неллочкиной жизнью. Например, в субботу с утра бабке могло взбрести в голову отправиться на маникюр. Потом она отпускала Неллочку за ненадобностью, но через два часа вызывала снова, чтобы ехать на набережную любоваться яхтами. Потом бабка не звонила два дня, но на третий день вечером вдруг начинала проситься на прогулку. Это означало, что в течение двух часов Неллочка должна была толкать старушкино инвалидное кресло вокруг фонтана в парке (еще бодрая не по годам бабка любила притворяться неходячей!), пока бабушня не засыпала. Однажды бабка позвонила ночью и в ужасе сообщила Неллочке,

что у нее в спальне кто-то стоит. Примчавшись к бабке в одной ночнушке, Неллочка с грохотом выволокла из спальни вертикальный пылесос, который приходящая домработница оставила у окна и на который сама же бабуленция бросила перед сном свой шелковый пеньюар.

Но тяжело Неллочке было не от самой бабки, а от факта, что бабка была не единственной заботой. Неллочка понимала, что старушка, как и зарплата, невечная, и по этой причине не расставалась со своими другими работами, а всячески выкручивалась, ловчила и выгадывала, как впихнуть уроки русского, уборку домов и присмотр за детьми в непредсказуемое бабкино расписание.

Накануне Дня независимости бабка засобиравалась к дочери, такой же богатой и почти такой же старой, как она сама, подарив Неллочке надежду выспаться черед Элкиным барбекю. И кто бы мог подумать, что эта старая карга вдруг умудрится поссориться с дочерью по телефону за час до вылета самолета, вернётся из-за упрямства домой, а потом в пять утра будет с горя взламывать жестяную банку с печеньем?! Всхлипывая и жалуясь на дочь в телефонную трубку, бабушка звала Неллочку на помощь, а потом, жуя печенье из банки, открытой Неллочкой, два часа винила себя за непонимание и вспыльчивость. Домой Неллочка вернулась в цветах американского флага: с побелевшим от злости лицом, красными глазами и синими кругами по ним. Над независимой Америкой взошло солнце...

У Элки Неллочка появилась на два часа позже, чем предполагалось, потому что после бабки она пыталась хоть немного поспать перед барбекю назло солнечному свету, который нахально лез в комнату через дешевые жидкие жалюзи. Компания коллег Элкиного мужа уже нажарила традиционных для Дня независимости сосисок и рассредоточилась с баночками пива по всей территории просторного Элкиного владения – в тени под клёнами, у теннисного стола и на застеклённой террасе.

Джимми стоял у бассейна совершенно один. Было непонятно, намекала ли ему Элка о приходе Неллочки или, наоборот, только неопределенно предупредила, что будут «друзья из России», но судя по тому, как Джимми монотонно постукивал носком сандалии, пытаясь подогнать к краю бассейна кленовый листок, Неллочка поняла, что мужик настраивался на большее, чем просто на барбекю с коллегами, и теперь вымещал разочарование на несчастном кленовом листке. Джимми стоял так близко к бассейну, что солнечные блики отражаясь от поверхности воды, золотили его бороду или, точнее, рыжую недельную щетину, которая неравномерными клочками покрывала у Джимми полфизиономии. Услышав Неллочкины шаги, Джимми оторвался от кленового листка и тотчас же встретился с Неллочкой глазами.

«Русская богиня!» – громко пронеслось у Джимми в голове, и он испугался, что незнакомая Элкина гостья его услы-

шала.

«Ну, здравствуй, американское недоразумение», – устало улыбнулась Неллочка. Ей было все равно, произнесла ли она это про себя или сказала вслух. Очень хотелось спать, а ещё больше хотелось не работать и знать своё будущее хотя бы на несколько часов вперед. «Мне от тебя ничего не нужно, – словно говорил Неллочкин взгляд, – забери только то, что у меня есть – работу и бабу!»

Но взгляд Джимми не отвечал, а, казалось, только бубнил, как ненормальный: русская богиня, русская богиня, русская богиня...

Потом они оба стояли у бассейна. Неллочка что-то рассказывала про Россию, а Джимми про то, как он никуда не ездил, но всегда хотел... К вечеру вся компания снова жарила сосиски, пила пиво и смотрела на вечерний салют, чьи вспышки с набережной были видны в небе и над Элкиным домом. После салюта Элка подала горячий чай, до смерти напугав американцев, которые не представляли, как такое мыслимо пить летом. Чтобы не обидеть хозяйку, Джимми единственный сел за стол и стал стойко отхлебывать странный русский напиток из чашки Ленинградского фарфорового завода, одной из трёх оставшихся от Элкиного свадебного сервиза, перевезенного в Америку.

«А ведь глаза-то хорошие! – подумала Неллочка и тут же дала себе установку, – концентрируйся на глазах!» Она рас-

положилась напротив и навела взгляд на объект наблюдения, изо всех сил стараясь не опускать наводку ниже, на рыжую щетину, и на такую же яркую растительность на груди, плутовато выглядывающую из-за растянутого выреза футболки с изображением двух скрещенных бейсбольных бит.

Через несколько дней после барбекю от Джимми последовал звонок и сбивчивое приглашение... на ферму в ближайшие выходные. Неллочка согласилась, хотя была немного озадачена тем фактом, что ни в классической литературе, ни в женских журналах, ни в рассказах более опытных подруг ферма не фигурировала как романтическое место для встреч!

Но на ферме, как ни странно, было хорошо: свежо, вольготно и радостно! Приехали многочисленные семейства, чтобы показать детям откуда в супермаркете берутся помидоры, огурцы и сельдерей. Вход на ферму был бесплатным. Владелец фермы делал деньги на том, что позволял посетителям собирать овощи с собственных грядок и покупать их по цене, почти не отличающейся от магазинной. Народ охотно платил за радость физического труда и валом валил по субботам и воскресеньям, таща за собой детей, гостей и понравившихся женщин. Неллочка, по всей видимости, относилась к последним.

Упахавшись за неделю на уборке чужих домов, Неллочка меньше всего хотела наклоняться над грядкой, чтобы посмотреть, как растёт какой-то несчастный огурец, и поэтому

с радостью согласился на предложение Джимми осмотреть фермерский зоопарк, а точнее, несколько сарайчиков и загончиков с домашними животными, которых владелец держал для увеселения посетителей. Дети в восторге визжали при виде ухоженных поросят, а Неллочке было удивительно, как поросята умудряются оставаться чистыми, а дети вымазаться за полчаса, находясь по другую сторону загончика. Откуда в супермаркете берётся свинина, детям предпочитали не объяснять, а сами детишки не догадывались спросить, отчего поросята всё такие же маленькие, как были в прошлом году, и уж не помидоры ли с огурцами жарит фермер на гриле у гаража.

К концу дня, проведенного на свежем воздухе при минимальной физической нагрузке, Неллочка поняла, что наконец-то начинает расставаться с усталостью, которая не покидала её в течение многих месяцев. Дышалось легче, а всё вокруг воспринималось спокойнее: детский визг, которого Неллочка вдоволь наслушалась за неделю, не вызвал аллергического зуда в ушах, приветливый фермер не раздражал восторженными сообщениями о том, что соседка его сестры собирается поехать в Россию, а именно, в Минск, и даже щетина на лице Джимми уже не резала глаза своею неистовой рыжиной.

Через неделю после фермы последовал ланч в ресторане, потом поход в кино, а потом наконец и бейсбольный матч, без которого в Америке не обходится ни одно ухаживание

за женщиной. На матче Неллочке казалось, что она скорее свихнётся, чем поймёт правила игры. Но она старалась не показывать этого Джимми, потому что начиная с фермы с Неллочкой стали происходить совершенно непонятные вещи: она хотела, чтобы Джимми был рядом. Ситуация была ещё удивительнее от того, что Неллочка точно знала, что не влюблена. Всю жизнь в отношениях с мужчинами Неллочкин внутренний голос срабатывал в первые минуты знакомства и беспощадно выносил приговор раньше, чем Неллочка успевала узнать, как человека зовут. Как судья молоточком, Неллочкино сердце отстукивало безоговорочно и один раз – либо «да», либо «нет». В первом случае, с женщиной стоило познакомиться поближе, во втором случае любые попытки были бессмысленны. И узнай Неллочка позже, что он миллионер, лауреат Нобелевской премии или что он только что спас от пожара целый детский сад, всё равно уже ничто на свете не могло заставить её полюбить. Так было всегда до 4-го июля, того самого Дня независимости, когда Неллочка увидела Джимми у бассейна, пинающего кленовый лист... Несмотря на жуткую усталость в то утро, Неллочка была в состоянии оценить, что происходило у неё в душе и твердо знала, что её реакция на Джимми была совершенно адекватной: ничего не грянуло, ни пронзило и не ушло из-под ног! Казалось, что судейский молоточек Неллочкиного сердца поднялся в оглашении приговора, но, к Неллочкиному большому удивлению, так и завис в воздухе. Это было ни

«да», ни «нет», а сплошное непонятное американское «I don't know»...

Тихий, немногословный, нигде и никогда не бывавший Джимми с рыжей щетиной и футболками с бейсбольной символикой превратился для Неллочки в объект научного эксперимента, в ходе которого Неллочка пыталась выяснить, как такие стеснительные экземпляры всё ещё умудряются существовать в сегодняшнем обществе. Неллочке было интересно наблюдать, как Джимми волновался при каждой их встрече, как от волнения тихонько постукивал вилкой по краешку тарелки во время ланча в кафе, как перед встречей с Неллочкой покупал цветы, клал их на заднее сиденье машины и от стеснения не находил слов, чтобы признаться для кого букет. Неллочку подкупала стойкость, с которой Джимми переносил мучительное для него общение с женщиной, и восхищало мужество, к которым Джимми продолжал звонить и приглашать Неллочку на свидания.

К концу месяца их платонического общения к Неллочкинскому научному интересу прибавилось ещё и естественное женское любопытство: в конце концов, Неллочке захотелось просто узнать, когда же у них с Джимми дело дойдет хотя бы до поцелуя. Ожидание развязки затягивалось. Каждую неделю (а встречались они из-за работы только по выходным), после похода в кино или на стадион, Джимми останавливал машину перед Неллочкиным домом, в смятении доводил Неллочку до входной двери и после застенчивого рукопожатия,

короткого топтания на месте и дежурных американских фраз о том, как всё было замечательно, отчаливал восвояси. Как бы определил любой бейсболист, в своих отношениях Джимми и Неллочка никак не могли передвинуться на следующую базу.

Между субботними встречами Джимми аккуратно звонил каждый вечер, ровно в девять тридцать, никогда не раньше и не позже, потому что в девять Неллочка смотрела получасовые новости для практики в английском, а в десять уже почти теряла сознание от усталости. Каждый день на местной телестанции информационный расклад был примерно одинаковым: две минуты про мир, две минуты про Америку, а оставшиеся двадцать пять минут про фонарный столб, упавший от вчерашней грозы, или про то, как в районе Вест-Элиса на дерево залез кот, а местная пожарная команда его оттуда снимала. Слушая сводки об упавшем столбе и спасённом коте, Неллочка думала о Джимми и о том, что пора действовать и помочь американцу.

Неллочка собиралась это сделать гораздо раньше, ещё до бейсбольного матча, но помешала опять бабка. К лету у старушки появилось такое количество идей относительно активного отдыха, что Неллочка стала забывать, как её квартира выглядит днём. Среда, однако, обнадёживала: в этот день неутомимая старушка уходила на два часа в косметический салон, где холила свою увядающую старость: растирала дряблую шею, разглаживала морщинистое лицо и дела-

ла маникюр на скрюченных артритом пальцах. Салон находился как раз неподалёку от супермаркета, в который Неллочка ходила за продуктами, пока бабушка наводила с трудом распознаваемую в её возрасте красоту. Через несколько недель после знакомства с Джимми Неллочка решила купить яблочный пирог, пригласить Джимми на чай после свидания и, таким образом, предоставить застенчивому американцу огромную, как бейсбольное поле, возможность для проявления мужской инициативы.

Купив пирог в среду, Неллочка намеревалась сохранить его в холодильнике до субботней встречи с Джимми, но в пятницу вечером, рухнув в изнеможении на кровать после восьмичасового ухода за бабкой, а потом беготни за койотами, Неллочка поняла, что только яблочный пирог и горячая ванна смогут вернуть ее к жизни. В субботу же по причине отсутствия сладкой приманки, чаепитие с Джимми отменилось и свидание закончилось, как обычно, рукопожатием и топтанием на месте. Выслушав по телефону Элкино негодование по поводу несвоевременно исчезнувшего пирога (Элка была в курсе плана с чаепитием!), Неллочка поклялась не повторять ошибок.

Но в следующую пятницу вечером, накануне уже почти реального поцелуя, а при удачном раскладе и близости с Джимми, которую Неллочка и Элка так тщательно планировали, пирог снова исчез. Какой-то животный аппетит, словно приобретенный в борьбе за существование в джунглях,

напал на уставшую Неллочку, вырвал её из постели и погнал на кухню. Сидя в полночь за столом, выедавая начинку ложкой прямо из середины пирога и в блаженстве запивая сладкую массу крупными глотками чая, Неллочка думала, что поцелуи Джимми вряд ли бы доставили ей большее наслаждение.

«Дура! – кричала на следующий день в трубку разгневанная Элка, – прожрёшь своё счастье! Купи два пирога!»

Элкина идея оказалась гениальной, и в субботу Джимми потянулся на чай, как дрессированная кобра за дудочкой факира. В квартире у Неллочки старый кондиционер из всех сил сражался с августовской духотой, возраставшей от горячего чая и обоюдного томления. За столом сидели долго, словно чувствуя, как каждый съеденный кусок пирога сокращает время до их неминуемой близости. Говорили о бейсболе, о погоде, о Неллочкиной бабке. Запас тем исчерпался к десяти вечера, примерно тогда же был доеден пирог, неожиданно в изнеможении поперхнулся старый кондиционер... и всё свершилось!

Счастливее всех была Элка. В воскресенье она без предупреждения вломилась к Неллочке домой с бутылкой шампанского и тут же стала форсировать мысль о замужестве. По её словам, полдела было уже сделано, оставалось только чуть-чуть подпихнуть Джимми к алтарю.

– Элка, – протестовала Неллочка, – он не пойдет! Тут яблочным пирогом не заманишь.

– Пойдёт! Заманишь НЕ пирогом!

– Я даже не знаю, люблю ли я его!

– А зачем тебе всё знать? – напирала Элка, – ты же не справочное! Поживешь с ним пару лет – выяснишь!

– Не готова я!

– А это не Олимпийские игры, чтобы к ним готовиться!

– А вдруг мне не такой нужен?

– А какой?! – заорала Элка, – вот спроси у меня, у опытной (прожив в единственном браке неполных семь лет, Элка считала себя опытной!): «Элка, какой должен быть муж?»

– Элка, какой должен быть муж?! – в испуге поддалась Неллочка, ожидая, что сейчас перед ней откроется истина.

– Муж должен быть любой! – торжественно сообщила Элка, – потому что неважно какой, а важно, что он есть. А что там общество триндит тебе о любви, так это все глупости! Послушай лучше, что это общество говорит за твоей спиной – раз не замужем, значит, никому не нужна, значит, ты не женщина, а чудище морское!

– Элка, прости, лучше я буду чудищем!

Свадьба была маленькой и не по-американски скорой, через какие-то три месяца после знакомства. У Джимми из близких осталась только тётка, которая жила в южном штате, боялась всех видов транспорта и поэтому на торжество не приехала. Неллочкины родственники были помногочисленнее и посмелее, но их приезд упирался в визу и финансы. Поэтому позвали только Элку с мужем и тех самых коллег с

барбекью и их жён, с которыми Неллочка едва успела познакомиться. Элкин иммиграционный юрист, сославшись на занятость, приглашения не принял, и его можно было понять – при вступлении клиентов в законный брак юрист утрачивал свою ценность, как истекшая виза в Неллочкином паспорте. Юриста уже не звали на помощь в сражении за чужое право на проживание в стране. Как дорогой трофей Неллочкино право было отвоевано у иммиграционной службы в честном бою и узаконено новой фамилией – иностранной, непонятной, с ударением на первом слоге – Ричардс.

Бабуля, огорченная уходом Неллочки с трудового поста, прислала в подарок букет и чек. Койоты и их родители даже не позвонили, что уже само по себе было подарком. После церемонии в городском суде вся компания фотографировалась под клёнами в парке, на хрустящем ковре из октябрьских золотистых листьев-чешуек, а потом, отсидев положенное время в ресторане от коктейля до свадебного торта, разъехалась по домам. Сидя в свадебном лимузине с надписью «Just married», которую Элка с мужем привинтили на бампер перед выходом новобрачных из городского суда, Неллочка с трудом верила, что едет не в квартирку с дешёвыми жалюзи и кондиционером, испустившим дух в тот памятный летний вечер, а к законному супругу, в его собственный дом...

Дом и правда был собственный, хотя и маленький, но холостяцкий кавардак в нём был большой. В гостиной стояли три кожаных дивана, все разного цвета и разной формы.

Шторы были бордовые, а напольные вазы у камина цвета морской волны. По периметру гостиной тянулись навесные книжные полки, на которых плотно стояли крошечные фигурки бейсболистов, сделанные из всевозможных материалов от керамики до пластмассы и безжалостно покрытые пылью.

Первая законная брачная ночь прошла трогательно: Джимми опять волновался и пролил на постель подаренное Элкой дорогое шампанское, которое молодые пили из фужеров, тоже подаренных Элкой. Потом было много ласки и Джимминых признаний, сбивчивого шёпота про какое-то переустройство дома и детскую комнату и ещё часто-часто повторялось thank you, I love you, русская богиня и всё это было обращено к Неллочке, которая тихо улыбалась в темноте и гладила подстриженную к свадьбе щетину на щеке своего мужа...

На утро состоялся первый маленький семейным совет, на котором Джимми объявил, что пока Неллочка работать не будет, а займётся английским, покупками и вообще отдохнет от сумасшедшей жизни человека с истекшей визой и отсутствием права на жительство. Такое решение растрогало Неллочку даже больше, чем вчерашние than kyou and I love you, которые Джимми произнес бесчисленное количество раз, выпив полтора фужера шампанского и чуть не проглотив оба обручальных кольца, брошенных в фужер на счастье.

А потом побежали семейные дни, лёгкие и светлые, как золотистая щетина Джимми. Две недели Неллочка отсыпалась от бабки, койотов, мытья посуды, уборки чужих домов, иммиграционных волнений и предсвадебной суеты. Ещё две недели Неллочка продолжала мчаться во сне на своём скоростном поезде не в состоянии ни остановить его движения, ни спрыгнуть на землю на полном ходу. Потом всё вокруг стало замедляться, затихать...

И Неллочка проснулась окончательно отдохнувшая, спокойная, законная, готовая к новой жизни. Первым делом она рассосредоточила разномастные кожаные диваны по другим комнатам, сменила шторы, передвинула вазы и мало-помалу превратила холостяцкую обстановку в домашний уют. Освоившись дома, Неллочка стала знакомиться с городом, который жил самостоятельной шумной жизнью и которую Неллочка не успевала замечать в перебежках от магазина к косметическому салону с бабушкой, от салона к детской площадке с койотами, от площадки к старичку-полиглоту, а он него опять к бабушке и дальше по кругу со всеми остановками.

Неллочка вдруг обнаружила, что в городе есть театр, выставочный зал, крытый каток и открытый бассейн; есть магазины, в которых можно часами читать этикетки по-английски, а не хватать молниеносно, как хамелеон языком, зубную пасту и яблочный пирог и нестись сломя голову к кассе; и что по набережной можно гулять, а не стоять на одном месте у кресла-каталки, поддакивая бабушкиными недоволь-

ствам по поводу туч на горизонте.

Теперь по утрам Неллочка уезжала из дома в город, ставила где-нибудь машину и часами бродила по улицам, впитывая в себя незнакомую жизнь. Тогда-то она и набрела на кофейню на набережной, в которой любила сидеть и рассматривать посетителей, как картинки в старом букваре. А в один из таких дней в этой кофейне на Неллочку обрушилась Капка...

К обеду Неллочка возвращалась домой, читала, дремала на одном из кожаных диванов, готовила ужин и ждала мужа. Джимми приходил всегда в пять. Вместе ужинали, вместе смотрели новости и обсуждали городские происшествия, а потом вместе читали местные газеты, которые Джимми не успевал просмотреть утром. Газеты не очень отличались от телевизионных новостей, но читать их вдвоем было даже интересно. Джимми старательно исправлял Неллочкины ошибки в произношении и смешно изображал её акцент. С Джимми было просто и легко. Радость наполняла каждую минуту Неллочкиной новой жизни, состоящей из незатейливых, но приятных событий: поездок на ферму, походов в кино, бейсбольных матчей по телевизору и ужинов во дворике у гриля. И если кому-то Неллочкины семейные дни могли показаться одинаковыми, то были они одинаково радостными, как лампочки на новогодней гирлянде, потому что в тот октябрьский день Джимми женился на русской богине, а Неллочка вышла замуж за душевное спокойствие и сердечный ком-

форт. И пусть хоть кто-нибудь попробует сказать, что этого мало!

Неллочка чувствовала, что всей своей предыдущей неустроенной сумасшедшей жизнью в Америке она заслужила это спокойствие, которое она теперь никому не позволит у неё отнять.

Сидя вечером вместе с Джимми на диване и рассматривая его коллекцию спортивных открыток, разложенную, как пашанс, на кофейном столике, Неллочка вспоминала своих подруг: одну, вышедшую замуж по безумной любви и ставшую невротичкой от постоянного страха, что эта любовь пройдёт, что он уже другой, что целует уже не так и звонит с работы не каждый час, и уже не помнит, в какой день недели у них всё было в первый раз.

Вспоминала и другую подругу и её семейную жизнь, от которой обоим супругам ломало, как наркоманов на больничной койке. Это был не брак, а гремучая смесь из обид, ссор, угроз и почти круглосуточного выяснения отношений, где каждый завоевывал позиции, спорил до хрипоты, не желая уступать, потом терзался, что не уступил, а потом злился, что не уступила другая половина. И хотя чем горше был разрыв и слаще оказывалось примирение, каждый раз всё страшнее становилось от мысли, что это примирение может оказаться последним.

«Не хочу!» – повторяла про себя Неллочка и сильнее прижималась к Джимми, с которым было тихо и спокойно, а от

этого легко и ещё как-то по-особенному трогательно. Трогательно от того, что её маленький, незаметный, стеснительный Джимми очень старался быть хорошим мужем, как будто чувствовал себя виноватым перед Неллочкой за то, что ей достался именно он, а не такой муж, как у Элки, или как у её подружек, американок Аманды и Молли, или на крайний случай, как у русской Ритули.

О существовании Элкиных подружек Неллочка знала давно, ещё из писем, но познакомилась с Ритулей, Амандой и Молли только после собственной свадьбы. До этого раз в месяц Элка подходила к Неллочке, вздыхала, выдерживала паузу и печально сообщала: «Нелла... в эту среду мы опять собираемся».

А потом, будто подавляя сердечную боль от большой несправедливости, неизменно добавляла:

«Не понимаю я этих американцев! Незамужнюю женщину вместе с семейными парами никогда не приглашают. Англосаксонское пуританство! Мне-то с Риткой всё равно, но знаешь, эти Аманда с Молли... Ты уж прости, приходится мириться». И Неллочка мирилась, потому что не хотела расстраивать Элку и потому что Аманду и Молли можно было понять – за таких мужей, как у них, стоило крепко держаться и никого к ним не подпускать. Это были роскошные мужья: преуспевающие, холеные, красивые, они расхаживали по Элкиной гостиной, как снежные барсы в зоопарке, с лёгким, едва уловимым презрением, поглядывая на окружающих. Му-

жья достигли такого уровня благополучия, что заботиться о его сохранении уже не входило в их обязанности: к этому было подключено достаточное количество человек, которые с утра до вечера вертелись и берегли чужой достаток, как свой собственный. Поэтому жизнь этих двух семейств поневоле превратилась почти в принудительный отдых, за что Аманда и Молли снисходительно критиковали своих мужей в перерывах между сеансами йоги, массажа Рейки, лечебных ванн и на ежемесячных встречах у Элки в гостиной.

Несмотря на неплохое финансовое положение, Элке и Ритуле со своими мужьями-иммигрантами было далеко до материальной утопии их американских подруг. Однако, превозмогая зависть и чувство неполноценности, и Элка, и Ритуля всеми силами держались за свои знакомства: это была их мощнейшая энергетическая подпитка для самолюбия и веры в безграничные возможности в этой стране. Ни одна реклама, ни одна инвестиционная брошюра, ни одна финансово-консалтинговая фирма не действовали на Элку так убедительно, как вид мужа Аманды или Молли у неё в гостиной. Для Элки это была материализовавшаяся американская мечта, которая сидела на их диване и, закинув ногу на ногу, пила кофе из чашки Ленинградского фарфорового завода.

«Если получилось у него, значит, получится и у тебя!» – зомбировала Элка собственного мужа после каждой вечеренки и верила, что когда-нибудь они точно так же смогут играючи разговаривать об инвестициях и дорогих винах, по-

сещать гольфклуб, держать яхту и скучать по доброй матушке Европе. Любое упоминание Европы вызывало у Элки ностальгию по той родине, которой у неё никогда не было. Если Ритуля с мужем иммигрировали из Прибалтики, Молли была наполовину англичанкой, а Аманда прожила пять лет в Париже и подзабыла, что родилась она всё-таки в соседнем штате, то Элку, к её большому расстройству, ни происхождение, ни место рождения с Европой не связывали, от чего она горько страдала и компенсировала этот недостаток обожанием всего французского: акцента, шансона, косметики и кухни. Пиво и жарить сосиски на ежемесячных вечеринках считалось дурным тоном – смаковали Сотерн («Это вам не какая-нибудь Калифорния!»), наслаждались дорогим кофе с *crème fraîche*, угощались Элкиными изысками кассуле и вишисуаз, добродушно журили американцев за приземленность, чрезмерную простоту в одежде и мышлении, а под конец вечера вздыхали и с философской грустью мирились со своим пребыванием в Америке: ничего, дескать, не поделаешь, так уж сложилась жизнь, но кто знает...

Самым любимым временем для встреч был май. В этом месяце вся компания устраивала свой собственный маленький Каннский фестиваль: через лужайку от дома до бассейна растилалась красная дорожка, французскую кухню готовили мужчины, а жены одевали платья с бесстрашным декольте и сразу все драгоценности, которые они нажили за долгие годы благополучной семейной жизни. В доме в каждой комнате

Элка развешивала указатели с названиями каннских улиц: Boulevard de la Croisette, Avenue Maréchal, Rue d'Antibes...

Такие затеи с переодеванием очень разнообразили спокойную бездетную жизнь, а чтобы скоротать время до следующего Каннского фестиваля, Элкина по-европейски настроенная компания отступала от правил и отмечала американский Хеллоуин (в конце концов, этот праздник тоже пришёл из Европы!). В этом году октябрьская вечеринка обещала быть знаменательнее: Элкина компания должна была увеличиться на двух полноправных гостей, которые совсем недавно поклялись в американском суде, что будут одним целым на всю жизнь. Теперь Аманда и Молли могли не бояться за своих мужей, а Элка не испытывать ежемесячное неудобство перед школьной подругой: Неллочка с уверенностью вступала в светскую жизнь в качестве замужней, то есть, безопасной, женщины.

За неделю до праздника почтальон доставил на адрес Джимми конвертик, разрисованный зубастыми тыквами и подписанный Элкиной рукой. В письменном виде и по-английски Неллочкина школьная подруга приглашала мистера и миссис Ричардс на празднование Хеллоуина 31-го октября в доме мистера и миссис Зайдман. Далее гости извещались об условиях вечеринки: приглашенные должны приехать не позже шести вечера для демонстрации костюмов и голосования за лучший наряд, в семь вечера всем участникам будут предложены алкогольные напитки, а в восемь ве-

чера – легкий ужин с тыквенным пирогом на десерт.

Это было первое Неллочкино письмо, которое она получила после свадьбы. Она смотрела на конверт и, перечитывая свой новый адрес, чувствовала, что мистическая фантастогория уже началась до наступления Хеллоуина – в строчке адресата Неллочкина фамилия исчезла, а на её место, как нечистая сила, влезла некая миссис Ричардс да еще в паре с каким-то мистером с какой же фамилией.

Прочитав приглашение, Джимми тут же засуетился и стал торопливо вытряхивать из ящичков стола старые журналы, в которых, как он утверждал, ежегодно печаются идеи для костюмов на Хеллоуин. «Зачем наряжаться? – думала Неллочка, – просто придём как таинственные миссис и мистер Ричардс и нас никто не узнает».

Всю неделю до вечеринки Джимми провёл в приготовлениях. Каждый вечер он возвращался с работы, ужинал и садился за старые журналы в поисках идей для праздника. Просмотр новостей и совместное чтение газет пришлось на время отложить. Неллочка не переставала поражаться с какой ответственностью Джимми готовился к их первому выходу в свет на глаза придиричивой богемной компании. Больше всего, конечно, Джимми хотел поразить её, Неллочку, и поэтому по просьбе мужа Неллочка в течение недели обещала не заходить в маленькую угловую комнату и только слушала, как оттуда доносилось неистовое листанье журналь-

ных страниц. За три дня до вечеринки листанье прекратилось и наступила тишина, которая изредка нарушалась звонком упавших на пол ножниц. Неллочка сидела в гостиной перед включенным телевизором, но почти не обращала внимания на новости и английский язык. Тихо улыбаясь, она старалась представить себе, что там затеял её законный супруг. Неллочке ужасно хотелось, чтобы Джимми поскорее вышел из комнаты и сел рядом. Несколько вечеров без него было слишком долгим одиночеством для женщины при неполных трёх неделях замужества!

Сама Неллочка решила, что она наденет коротенький белый халатик, заляпает его кетчупом, повесит на шею фонендоскоп, встанет на высокие шпильки и будет очаровательной медсестрой-убийцей, столь популярной героиней американских низкобюджетных фильмов ужасов. И Неллочке будет всё равно, присудит ли ей Элкина элитная компания приз за лучший наряд или нет, главное, что она придёт в костюме и что ещё главнее – не одна!

В отличие от монументальных замыслов Джимми, которые он вот уже какой вечер воплощал в жизнь за закрытой дверью, у Неллочки на приготовление костюма ушло совсем немного: белый халатик – из магазина, кетчуп – из холодильника, фонендоскоп – из бабкиного мусора и Неллочкиного прошлого. Дело в том, что богатая сумасшедшая бабка, у которой Неллочка работала до замужества, обожала освобождаться от старых вещей, правда, только затем, чтобы на

их место покупать новые. Каждую неделю бабка наполняла большую картонную коробку надоевшим добром и по субботам просила Неллочку вытащить коробку на обочину дороги перед домом, откуда её должна была забрать мусорная машина. Каждую неделю, волоча бабкин груз к дороге, Неллочка успевала быстро прощуровать содержимое коробки и выбрать несколько безделушек, которые потом очень пригодились по хозяйству. Наверное, это можно было делать открыто, но Неллочка не могла избавиться от чувства неловкости, привезенного ещё с родины, оттого, что пользуешься чужим, словно вытаскиваешь объедки из мусорного бачка вслед за обнаглевшими енотами, которыми буквально кишел близлежащий парк.

И хотя Америка быстро вылечивала от этого чувства неловкости простым подсчетом доходов и расходов, перебороть себя Неллочка не могла и предпочитала производить инвентаризацию мусорной коробки за спиной её разборчивой владелицы. Слава Богу, отношения с бабкой у Неллочки были деловые, а не дружеские. А то было бы любопытно посмотреть на бабкину реакцию, если ли бы та в один из вечеров по-приятельски заскочила к Неллочке в гости. Бабка бы с изумлением обнаружила, что многие из её вещичек не канули в Лету, а обрели новый дом и заботливую хозяйку. И чайник, и резной подносик, и вазочка для цветов, и льняная салфетка – всё это так уютно вписывалось в интерьер Неллочкиной квартирки, что казалось, было куплено специаль-

но, а не лежало совсем недавно в куче мусора.

В одну удачную субботу, когда бабка наколотила коробку так, что она не закрывалась, Неллочка нашла в отвергнутых вещах фонендоскоп. Немедленного применения полезной вещи Неллочка придумать не могла, но отложила на всякий случай опять же по привычке, привезенной из родного дома. Этот случай настал всего несколько месяцев спустя, когда от бабки остались только одни, кстати, не такие уж плохие, воспоминания.

В Хеллоуин, когда до начала Элкиной вечеринки оставалось меньше часа, супруги вышли в гостиную: Джимми из угловой комнаты, а Неллочка из спальни – и оба так и замерли на месте, пораженные видом друг друга. Обтягивающий белый халатик сидел на Неллочке, как влитой, без единой складочки, нахально обхватывая Неллочкину узенькую талию. Джимми был одет в сплошной, плотно облегающий черный костюм-трико, с нашитыми поверх кружевными женскими белыми трусиками и бюстгалтером. Лицо Джимми закрывала черная маска с блестящей бахромой, сквозь которую предательски проглядывала рыжая щетина, нарушая всю загадочность образа. Костюм назывался «Современный Казанова». Несколько секунд супруги разглядывали друг друга в тишине: Джимми молчал от восхищения, Неллочка – от неожиданности. Если бы Джимми выкрасился с ног до головы зелёной краской или обмотался бы до самой макушки туалетной бумагой, Неллочка, наверное, удивилась

бы меньше, чем при виде собственного супруга в образе современного обольстителя. Её тихий и незаметный Джимми, который при виде приближающейся женщины начинал дрожать от страха уже на расстоянии пятидесяти ярдов от объекта, походил на Казанову так же, как Неллочкина бабка на «Мисс Америка».

Джимми ждал, когда Неллочка засмеётся, но от нахлынувших чувств Неллочка чуть не расплакалась: от гордости, что этот несуразный костюм был сделан специально ради для неё, и опять от радости, что она не одна, и ещё одновременно от восхищения и жалости за отчаянный поступок её мужа (она-то сразу догадалась, каких страхов стоила Джимми покупка трусиков и бюстгалтера в магазине женского белья!). И не было в этот момент на свете другой женщины, чьё сердце вместило бы больше нежности, чем испытывала Неллочка к своему тихому рыжебородому Джимми.

В машине по дороге к Элке они молчали. Джимми сидел, вцепившись в руль, и всеми силами старался не смотреть на Неллочкины ножки, с которых ещё не сошел упрямый летний загар. Когда взгляд Джимми в очередной раз непослушно соскользнул на Неллочкин коротенький халатик, у них за спиной заняла сирена – от эмоций Джимми проехал на красный свет, что тут же засёк коршуном налетевший полицейский. И у Неллочки снова чуть не разорвалось сердце от любви и жалости, когда её законопослушный Джимми начал судорожно сдирать пришитый лифчик при виде приближа-

ющеюся блюстителем порядка.

К Элке в дом они зашли с часовым опозданием: Неллочка с пунцовыми от страха щеками (это было её первое столкновение с американскими властями!), и Джимми в черном трико с болтающимся на груди бюстгалтером. Аккуратный Джимми пришил бюстгалтер так старательно, что не смог оторвать его полностью, пока полицейский шёл к их машине. Элкины гости встретили Неллочкин рассказ о происшествии восклицаниями, часть из которых, произнесенная мужьями Аманды и Молли, относилась больше к Неллочкиным ножкам, чем к пришитому Джимми бюстгалтеру и штрафу, который ему вручил полицейский. Пять минут все охали, были очень соггу, а потом разошлись по просторной гостиной и опять заговорили обо всём, кроме дорожного происшествия с четой Ричардс.

От Сотерна у Неллочки закружилась голова, тувельки полетели в мягкий глубокий ворс гостинного ковра, чей-то голос выдохнул ей на ухо комплимент и через несколько минут Неллочка будто издалека слышала свой собственный голос, который звучал глуше из-за английских дифтонгов, но не запинаясь на иностранном для неё языке, а, наоборот, послушно выстраивался в элегантные фразы. Потом что-то выкрикивала Элка, всё аплодировали, и прежде чем Неллочка успела опомниться, она уже обнимала огромного черного плюшевого кота, которого восторженная компания вручила ей за лучший карнавальный костюм.

Вечер пролетел быстро, и только когда все стали расходиться, Неллочка вспомнила о Джимми. Тихий, незаметный, как пластмассовая фигурка бейсболиста, закатившаяся под диван, Джимми после ужина провел остаток времени на террасе, играя с Элкиной крошечной собачкой чихуахуа. Чтобы не тревожить расшумевшуюся компанию, Джимми даже не решился попросить ножницы, чтобы отрезать от водолазки полуоторвавшийся бюстгалтер и поэтому так и просидел весь вечер с бюстгалтером, перекинутым через плечо.

– Тебе было весело? – спросила Неллочка по дороге домой, хотя прекрасно понимала, как глупо звучит её вопрос.

– Немного, – ответил деликатный Джимми. И Неллочке стало стыдно: стыдно за свой короткий халатик, и за не сошедший с ног загар, на который весь вечер посматривали Элкины гости, и за собственную лёгкую дрожь от дыхания чьих-то губ, шептавших ей на ушко комплимент.

Она опять почувствовала к Джимми нежность и жалость и дала себе слово больше не ходить ни в какие компании, потому что весь этот грубый мир за окнами их маленького дома не мог понять Неллочкиного семейного счастья и только смотрел на него презрительно-насмешливыми, как у Элкиных гостей, глазами.

С тех пор они стали жить ещё тише и ещё дружнее. Через месяц после Элкиного Хеллоувина Неллочка решила найти работу и сделала это ещё и потому, что часы в офисной суете летели быстрее, приближая вечер, когда Димми возвращал-

ся домой...

Так прошло несколько лет. За это время Неллочка окончательно привыкла к комфорту и уже не воспринимала его как чудо, а считала неотъемлемной частью своей размеренной жизни, похожей на школьное расписание, составленное на год вперед. И от этой размеренности на душе становилось так спокойно, что казалось и не было никогда ни сумасшедшей бабки, ни бешеной нелегальной работы, ни активной Элки с ее затеями и гостями. Кто-то маленький и пушистый свернулся клубочком у Неллочки в сердце и тихонько заснул. А Неллочка старалась жить как можно тише, чтобы не разбудить этого удивительного зверька. Каждый вечер они с Джимми собирались за маленьким семейным столом, тихо ужинали, делились новостями. Иногда Джимми даже жаловался на начальника, но делал это совсем не зло, а деликатно, искренне расстраиваясь, что начальник такой плохой. Иногда по вечерам они выходили гулять, не торопясь шли мимо соседних домов, беседовали негромко, словно боялись прервать шелестящий разговор листьев под ногами. Жили незаметно, неслышно, будто ходили на цыпочках...

Чтобы не нарушать домашнего спокойствия, Джимми даже не пользовался посудомоечной машиной, говорил, что от неё очень много шума. Поэтому каждый вечер после ужина Неллочка привыкла видеть супруга на кухне, неторопливо копающегося в мыльной пене в раковине и мурлыкающего

что-то себе под нос. По кухне разносился запах клубничного средства для мытья посуды, а вместе с ним чувство комфорта и уюта. Помыв посуду, Джимми говорил Неллочке I love you, а потом ещё раз перед сном, и утром, и за завтраком, и перед уходом на работу, и с работы по телефону, и все его признания Неллочка считала заслуженными и спокойно к ним привыкла.

И лишь раз в неделю в кофейне разношёрстная толпа посетителей напоминала Неллочке о её прежней беспокойной жизни. Сидя за тихим столиком у окна, Неллочка наблюдала, как торопливой ароматной струйкой из кофеварки бежало время, отсчитывая вторники, словно аккуратные чашечки макиато. Менялись посетители, за стойкой грузнела бариста, все больше усыхала над разводными бумагами ящерица-юристка. Цветами палитры сменялись праздники: в октябре, когда под ногами хрустели листья-чешуйки, все вокруг рыжело от мордастых спелых тыкв, которые почитатели праздника Хеллоуин выкатывали во дворики, на обочины дорог, выставляли в окна и у входных дверей. Люди сгребали листья в большие оранжевые пакеты, в кафе подавали горячий яблочный сидр и пироги с золотистой начинкой из тыквы, и казалось, что даже светофор на перекрестке у кофейни переставал мигать тремя цветами, а лукаво подмигивал только желтым-оранжевым. За Хеллоуином наступал День Благодарения с традиционной индюшкой, её коротким триумфом на праздничном столе и последующим уничтожени-

ем! Конец индюшки означал, что скоро зима и Рождество, что у каждого магазина появится по упитанной тётке в красном фартуке, которая изо всех сил будет размахивать на холоде колокольчиком и неистово призывать к милосердию, к пожертвованию на рождественские подарки бедным. В преддверии Дня Святого Валентина начиналась розовая полоса, в День Святого Патрика – зеленая, потом пасхальная со всеми пастельными тонами, за ней синее-красно-белая, патриотическая, ко Дню независимости, а дальше было уже рукой подать до новой осени с её золотыми листьями-чешуйками. И так каждый год по неумолимому кругу. Неллочка любила наблюдать за чужой разноцветной жизнью, но вернуться в пеструю гущу событий она не пыталась, да и не могла – шариком из лотерии спорт-лото она выскочила из людского круговорота, в котором весь оставшийся мир продолжал вертеться, не замечая исчезновения одного маленького человечка.

Так размышляла Неллочка в ожидании Капки и кофе, почти засыпая от монотонного жужжания вентилятора у высокого потолка кофейни, гула посетителей, почти синхронного постукивания ложечек и усердного шипения кофеварок. Неожиданно что-то заставило ее очнуться. Это был мужской голос с акцентом, который резко выделялся среди безликого слияния голосов. Неллочка посмотрела в сторону стойки. Мужчина стоял к Неллочке спиной, из-за которой было видно напряженное лицо баристы, пытавшейся изо всех

сил понять, что от неё хочет этот странно разговаривающий посетитель. Неожиданно для себя Неллочка встала (потом она так и не сможет объяснить для себя этот поступок!) и направилась к стойке. «В конце-то концов, – сказала она себе, – сколько можно ждать эту Капку! Вот куплю сейчас себе макиато и выпью без нее!» (Кстати, минут за пятнадцать до этого бариста уже косо поглядывала на Неллочку – посетитель, который занимал столик и не оправдывал своего присутствия покупкой кофе, был обречен на молчаливое порицание.)

Увидев Неллочку у самой стойки, бариста обрадовалась, что можно отвлечься на другого посетителя. Улыбнувшись почти через силу мужчине с акцентом, она сказала: «Just a moment!» – и кивнула головой в подтверждение того, что поняла его заказ. «Окей», – ответил мужчина, хотя было заметно, что он остался недоволен разговором с баристой. В ожидании, когда освободится бариста, Неллочка искоса поглядывала на мужчину. Невысокий, немного усталый, в кофейную гущу каштановых волос молочной змейкой вбежала седина, не очень молодой...

«Ведь так и не въехала», – вдруг услашала Неллочка по-русски. Мужчина отсчитывал деньги за кофе и в сердцах разговаривал сам со собой: «Черт подери, прямо не страна, а внеземная цивилизация!» Это были Капкины слова про американцев и инопланетян и про то, что понять одинаково тяжело и тех, и других, но когда Капкину мысль произнес

этот незнакомый мужчина, то звучала она совсем по-другому, ново и остроумно. Неллочка улыбнулся и ей показалось, что мужчина тоже взглянул на нее и заметил улыбку. И этот взгляд ей понравился. Спohватившись, Неллочка обратилась к баристе, которая уже подала кофе мужчине и ждала Неллочкиного заказа: «One macchiato... small», – рассеянно сказала Неллочка.

Бариста кивнула и уже было отправилась к кофейной машине, как на английском с акцентом её опять окликнул мужчина. Бариста замерла на месте и, как показалось Неллочке, зажмурилась, прежде чем повернуться. Она испугалась, что снова не поймёт этого человека из-за странного произношения, которого не было ни у одного из утренних посетителей. К ужасу баристы мужчина действительно стал что-то просить и указывать на только что приготовленный кофе. Впав в ступор от родных английских фраз, изуродованных акцентом, бариста молча смотрела на гостя, тоже как на пришельца, и безуспешно пыталась декодировать его сигналы о помощи. Неллочка поняла, что спасти надо обоих и вдруг обрадовалась этой возможности, потому что по непонятной причине сама вдруг захотела заговорить с мужчиной.

– May I help you? – обратилась Неллочка к мужчине, в то время как бариста, осознав, что внимание пришельца ослабло, ушмыгнула в глубь кофейни с удивительной для её комплекции быстротой.

– What? – не понял мужчина, заменив английское “w” на

русское “в”.

– I think I can help you, – повторила Неллочка, не понимая, зачем она продолжает обращаться к мужчине по-английски. Конечно, надо было тут же перейти на русский, но Неллочка вдруг испугалась, что на родном языке мужчина сразу догадается о том, что он ей понравился всего за каких-то несколько минут. Английский был для Неллочки спасительной шапкой-невидимкой; на нём можно было сказать всё что угодно, не обнажая чувств. И если родные слова выскакивали порой неожиданно, из самого сердца, прежде чем Неллочка успевала решить, стоило ли их произносить, то английский надо было пропустить через мозг для рассортировки по грамматически стройным конструкциям с соблюдением согласования времен и нужных артиклей. Тоже самое происходило у Неллочки с температурой: Фаренгейт она понимала умом, а Цельсий сердцем. Одного взгляда на местный термометр было достаточно, чтобы точно знать, в чём выйти на улицу, но только переведя температуру из Фаренгейта в Цельсий, Неллочка могла воскликнуть: «Вот это холодина!» или «Ничего себе жара!» Поэтому в то утро Неллочка пряталась за английский язык, как за оконную штору в детстве, и боялась выйти из этого убежища, чтобы открыться незнакомому человеку.

На своём забавном английском мужчина стал объяснять Неллочке то, про что не успел втолковать баристе, про какое-то соотношение кофе и воды в эспрессо и важность со-

блюдения температуры. Неллочка внимательно смотрела на мужчину и одновременно пропускала весь этот кофейно-научный монолог мимо ушей. На самом деле она наблюдала за чертами его лица и удивлялась, отчего оно уже не кажется ей незнакомым.

Вдруг одна фраза зацепилась за Неллочкин слух и выдержала её из состояния созерцания.

– You speak Russian, – неожиданно сказал мужчина и из-за его улыбки Неллочка даже не поняла, утверждение это или вопрос. Она улыбнулась в ответ и тем самым выдала себя.

– Мне почему-то так показалось, – сказал мужчина и тут же стал оправдываться, – тяжело с языком, когда не часто практикуешься.

Неллочка поняла, что он не иммигрант.

– Поначалу всем тяжело, я по себе знаю, – ответила Неллочка и мужчина понял, что она-то как раз иммигрантка.

– В самолете статью интересную прочитал, – продолжал мужчина. Было видно, что он соскучился по русскому языку, и на этот раз Неллочка действительно стала слушать внимательно про какой-то необыкновенный, самый точный способ приготовления эспresso, о котором мужчина узнал из журнала для авиапассажиров и с которым решил поэкспериментировать, не рассчитав своего словарного запаса и не предвидев шока баристы.

За разговором они незаметно для самих себя направились к Неллочкиному традиционному столику в левом углу у сте-

ны. В первый раз Неллочка сидела за столиком и радовалась, что Капка так сильно опаздывала и что она не одна...

Они проговорили два часа: про эспрессо, жизнь в Америке, наших иммигрантов, английский язык, трудности перевода, его конференцию, на которую он приехал в местный университет и казалось, что запаса тем и кофеина в Неллочкином макиато хватит для обоих на целую жизнь.

Неожиданно мужчина взглянул на часы. «Всё неожиданно хорошее заканчивается ещё неожиданнее, чем начинается», – грустно подытожила про себя Неллочка, прежде чем мужчина стал сбивчиво объяснять, что ему надо в университет на семинар, который закончится к обеду.

– А к обеду мне на работу, – подумала Неллочка.

– Вы работаете? – спросил мужчина.

– Сегодня нет, – уверенно сказала Неллочка, – у меня тоже до обеда дела, но потом... К часу я приду сюда опять... приходите и Вы, после семинара.

Мужчина с улыбкой кивнул и ушёл.

Это было что-то невообразимое – Неллочка взяла инициативу в свои руки! Она сидела за столиком, как оглушенная, и не могла понять, что с ней происходит. Первой мыслью было взять и уехать подальше от этой кофейни, может, даже вернуться домой, лечь на кожаный диван и разобраться в чувствах. Однако вторая мысль – позвонить на работу –

оказалась сильнее первой.

– I'm so sorry! – закудахтала на том конце по-английски секретарша, – надеюсь, что скоро тебе станет лучше. Главное, пей побольше воды!

– Обязательно! – пообещала Неллочка, потому что в Америке большое количество потребляемой жидкости всегда являлось залогом хорошего самочувствия, а про себя добавила: «Или побольше валерьянки!» – потому что от волнения, от непривычки врать и от кофеина сердце Неллочки уже выбивало такую чечётку, которой бы позавидовал сам Фред Астер вместе со своей рыжеволосой Джинджер.

– Если надо два дня, то no problem, делай как тебе лучше, – квохтала секретарша, хотя Неллочка прекрасно знала, что за эти дни ей просто не заплатят, потому что прошлой весной она уже использовала пять смешных больничных дней, положенных в год для сотрудников в её компании, а работу придётся сделать всё равно всю, только в жуткой спешке.

Не успела Неллочка оторваться от телефона, как песчаной бурей налетела Капка и, жестикулируя, и тут же стала забивать глаза и уши своими рассказами по заловку и свекровь. Без приветствий и извинений за чудовищное опоздание Капка начала торопливо рассказывать, как свекровь подвернула ногу, а носиться с ней, как всегда, Капке, потому что «остальные у нас умные, в университете работают и от Драйзера своего оторваться не могут!» «И кто тебя только сюда

позвал?!» – в тоске подумала Неллочка, как тут же вспомнила, что это была она сама.

– Вот ты веришь в любовь с первого взгляда? – вдруг скаканула в разговоре Капка. Неллочка вздрогнула. Неужели Капка что-то видела? Может, она появилась в кофейне раньше, чем ушёл этот мужчина? Почему тогда ничего не спросила? Откуда эта деликатность?

– ... я просто влюбилась в этот джемпер, – продолжала тараторить Капка, – за такую цену и кашемир сто процентов, плюс никакая не Чайна, а, наоборот, Франс!

– Я верю в любовь с первого слова, – рассеянно сказал Неллочка, что заставило Капку удивленно замолчать на три секунды, а с четвертой секунды её уже опять понесло про кашемировый джемпер, из-за которого, если она его купит, ей будут опять завидовать заловка и свекровь, а сами скажут, что это не её цвет, и чтобы не доставлять им такого удовольствия, она просто ничего покупать не будет.

«Кап-ка, и-ди к све-кро-ви», – мысленно транслировала Капке Неллочка, и её мысль вдруг попала на нужную волну.

– Ладно побегу я, мне правда надо, – чудесным образом засобиравшись Капка, – жалко, что не поговорили. Ты уж макиато свой и за меня выпей!

Капка ускакала. И как только Неллочка осталась одна, она почувствовала безудержное волнение от своего обещания, данного совершенно незнакомому мужчине меньше часа на-

зад. От эмоций Неллочка вышла из кофейни и не торопясь пошла вдоль набережной. Было удивительно, что из-за какого-то незначительного поступка (взяла и подошла к кофейной стойке!) может так неожиданно перевернуться день. Со всем недавно всё было ясно: кофе-макиато за столиком у стены, Капкины рассказы про свекровь, потом работа в «Мире Асфальта» и к концу дня тихий ужин с Джимми да чтение газет. А теперь на Неллочку словно из ведра выплеснулось свободное время и окатило её с ног до головы. Вокруг шумел проснувшийся будний город: машины, пешеходы, какие-то спортсмены-бегуны, собаки на поводке, дети в колясках – все двигались вперед и казалось, все, кроме Неллочки, точно знали куда идти. Неллочка пошла энергичнее, чтобы не отличаться от толпы.

Сделав внушительный круг по городу, она взглянула на часы и с удовлетворением обнаружила, что прошло почти полтора часа. Вернувшись на парковку у кофейни, Неллочка села в свою машину, откинулась на сиденье и задремала. Проснулась Неллочка от вышедшего из-за облаков солнца и хорошего настроения. Прошёл ещё час. Где-то в груди тихо и радостно пела тоненькая струнка, то ли от солнечного света, то ли от предчувствия... Неллочка выбралась из машины, заскочила на узкий бордюр у края парковки и, ловко балансируя, почти пробежалась вдоль длинного ряда машин.

– Excuse me, мисс, – услышала вдруг Неллочка за спиной, – разрешите я изменю Ваши планы на вечер? Она огля-

нулась – это был он!

Ещё несколько часов назад в кофейне этот человек казался неуклюжим из-за акцента и ошибок в английском, а теперь был совсем другой, уверенный, чуть ироничный, элегантно-настойчивый:

– Разрешите, я изменю Ваши планы на вечер?

«До вечера ещё так далеко, – подумала Неллочка, – а жизнь изменилась уже сейчас!»

Она улыбнулась и соскочила с бордюра ему навстречу. В следующую минуту губы обожгло поцелуем, как будто Неллочка неосторожно хлебнула очень горячего кофе.

Домой Неллочка приехала вечером, лишь чуть-чуть позже обычного времени, когда она возвращалась с работы. Ей казалось, что она ничего не помнила из случившегося, кроме одной единственной фразы, которую бережно, как пригоршню воды, надо было донести до дому, не расплескать одну единственную самую важную мысль, не забыть, что «завтра, в той же кофейне, без пятнадцати девять утра...». Неллочка повторяла про себя эти слова, как мантру, когда заезжала в гараж, когда выходила из машины, когда открывала входную дверь...

Сладковатый клубничный запах вернул Неллочку в реальность. На кухне на столе стоял ужин, а у раковины стоял Джимми и перемывал посуду, оставшуюся с завтрака.

«Енот-полоскун», – вдруг назвала его про себя Неллочка

и ужаснулась своим словам. На звук захлопнувшейся двери Енот-полоскун обернулся и разулыбался:

– Милая, ты окей? Как прошёл твой день? Всё в порядке? I love you.

– Ну, конечно же, окей, милый! – заученно ответила Неллочка, – всё хорошо... и я тебя.

Пужинали тихо. Встав из-за стола, Джимми ещё раз сообщил Неллочке о своей любви и пошёл смотреть спортивные новости. Оставшись за столом одна, Неллочка в каком-то трансе отщипывала маленькие кусочки от недоеденной пиццы и думала только об одном, что надо пережить вечер с Джимми, забыться до утра и завтра поскорее добраться до кофейни у набережной. Самое странное было то, что Неллочка не чувствовала никакой вины. Глупо винить себя за то, что уготовила тебе судьба, потому что именно она взяла Неллочку за руку и, как упрямого ребёнка, подвела к кофейной стойке сегодняшним утром.

Поздно вечером, когда Джимми пошел в душ, Неллочка набрала номер секретарши и упавшим будто от недомогания голосом оставила на автоответчике сообщение о том, что она берёт ещё один выходной по болезни. В темноте, лежа в постели, Неллочка опять попыталась подумать о морали, но ничего не вышло и на этот раз. «Вот начнётся климакс, тогда и буду думать. Вместе с теми приливами пусть и начинаются приливы совести! – почти с вызовом решила Неллочка, – а сейчас у меня есть судьба... как подружка, лучше Элки и

Капки! Какое счастье!» – Неллочка улыбнулась и повернувшись на бок, почти мгновенно заснула, даже не выслушав очередное I love you.

А на утро Неллочкина судьба-подружка оказалась коварной вражиной!

Первым коварством была погода. Едва проснувшись, Неллочка посмотрела в окно и увидела, как бесконечной пёстрой колодой карт ветер метал на землю листья, безжалостно срывая их с деревьев. Мелкий холодный дождь тут же склеивал падающие листья в плотный скользкий настил, по которому, как Неллочка и предполагала, было просто опасно ехать на большой скорости.

Осторожно выехав из гаража, Неллочка столкнулась со второй неприятностью – ежеутренней старушенцией под зонтиком (и куда покандыбала в такую погоду!), которая на этот раз победоносно посмотрела на Неллочку за рулём и черепашьими шажками стала мстительно-медленно переходить дорогу. Чуть не отдавив бабке пятки, Неллочка рванула вперед и вывернула за угол, где её уже поджидал светофор, тут же сменивший цвет на красный. Два следующие светофора, словно сговорившись, сделали то же самое. Тормозить, а потом быстро набирать скорость на скользкой дороге, было очень непросто. От напряжения Неллочка изо всех сил вцепилась в руль и к автостраде I-95 подъехала уже не в состоянии разомкнуть побелевшие от напряжения пальцы. На ав-

тостраде Неллочку ждал основной удар – из-за дождя, бабки и сговорившихся светофоров Неллочка не успела проскочить до часа пик и угодила в самую пробку. Мокрая стальная змея из машин ползла по дороге медленнее, чем утренняя старушенция на прогулке.

Неллочка сидела в немом отчаянии и только слышала неравномерные удары собственного сердца, глухие и тяжелые, как падающие в заморозки с деревьев яблоки, отсчитывающие минуты Неллочкиного опоздания – 10, 15, 20... Рука потянулась к сумочке на пассажирском сиденье. Damn it! Мобильник оставила дома. Да и какая от него могла быть польза – его телефона она всё равно не знала. Вчера Неллочке казалась, что ничто на свете не сможет помешать ей примчаться в кофейню без пятнадцати девять, а поэтому обменяться телефонами «на всякий случай» Неллочке даже не пришло в голову. Тем более, что сердце подсказывало ей, что случай был не «всякий», а, может быть, единственный, самый настоящий и прекрасный, который Неллочкина судьба-подружка не позволит упустить!

Минут через сорок, недалеко от съезда на Гринфилд авеню, стальная змея на автостраде заструилась быстрее и Неллочка из окна увидела синюю искорёженную машину на обочине и несколько полицейских машин с мигалками, которые и застопорили всё движение. Проезжая мимо места аварии, Неллочка даже не повернула голову, чтобы взглянуть, что случилось. Ей казалось, что настоящая авария произошла не

на дороге, а с ней, и что эта искорёженная машина была она сама, Неллочка, на большой скорости разбившаяся о бетонное заграждение...

Она вбежала в кофейню почти с такой же скоростью, с какой мчалась в машине, вырвавшись из пробки, и если бы не заставила себя остановиться, то, наверное, вылетела бы в тонированное окно на противоположной стороне. Неллочка промчалась взглядом по всем столикам, раз, потом ещё раз, и ещё раз, пока у неё не закружилась голова. Его не было. Кругом сидели всё те же ежеутренние посетители и казалось все как один смотрели на неё, Неллочку, будто догадываясь о том, что произошло вчера на парковке. Проснулся и приподнялся на локте вечно спящий панк, с завистью поглядывали мамашки, с осуждением тряс розовой макушкой старичок и даже сонная бариста, у которой во взгляде обычно прочитывалось только кофейное меню, насмешливо-многочисленно изогнула бровь.

Неллочка опустила за ближайший столик у стены. Уехал. Конечно, уехал. И если бы не сегодня, то уехал бы завтра или послезавтра, потому что все конференции, даже самые важные для судеб человечества, рано или поздно заканчиваются. В беспомощности Неллочка продолжала оглядывать кофейню, пока не запнулась взглядом о юристку, которая хитро шурилась за соседним столиком, словно спрашивая, куда теперь Неллочка денет мужа.

Мужа? Ах да... Утром Неллочка даже не заметила, как Джимми ушёл. А он ведь и впрямь был, тихий, маленький, незаметный Джимми со своим вечным I love you, которое он произносил так часто – по телефону, дома, в записках, перед сном, что любовь стала присказкой, а не сказкой...

Просидев за столиком час и выпив кофе, не чувствуя ни вкуса, ни запаха, Неллочка вернулась домой. При утреннем осеннем свете всё в доме казалось тусклым и каким-то старым. Сидеть на одном месте или уйти из дома было одинаково тягостно, и поэтому Неллочка бродила между трех кожаных диванов, а сама всё думала и думала и больше не о нём, а о себе, как она теперь будет жить. Она понимала, что его ещё можно разыскать через университет (в конце их в городе только два!), узнать об этой конференции, добыть списки иностранных участников, связаться, а что потом? Можно бросить Джимми, работу, дом, вернуться самой или вызвать его, но страшно... И жизнь уже так налажена, что стоит ли её расшатывать? Как всё вдруг стало непонятно и неустраивающе! Неллочка по очереди присела на все три дивана, но каждый раз вскакивала и опять до бесконечности ходила по гостиной. Вчерашняя нежданная встреча в кофейне изорвала в клочья всю Неллочкину спокойную жизнь...

Скорее бы кончился день! Завтра на работу, а там за делами, дай Бог, всё утихнет.

Чтобы как-то скоротать время, Неллочка зашла на кухню;

рука машинально потянулась к кофеварке. Неллочка заставила себя пить кофе медленными тягучими, как её минуты, глотками. Чтобы не думать о нём, она стала рассматривать свою коллекцию кофейных чашек, собранных по антикварным магазинчикам за годы семейной жизни. Взгляд упал на чашечку с золотым ободком у самого края. Где-то она уже видела похожий ободок? Ах да, у него на пальце. Господи, опять!

Не выдержав кофейного одиночества и натиска мыслей, Неллочка позвонила Капке. В трубке безжалостно ныли длинные гудки, но Неллочка знала, что Капка дома и что именно в этот момент она мечется по квартире, пытаясь понять, из какого угла звонит брошенный ею туда телефон.

«Капочка, милая, пожалуйста, ответь!» – шептала в трубку Неллочка и в этот момент ей казалось, что дороже этой дебильной Капки нет никого на свете. Наконец-то в трубке что-то щёлкнуло и Капка как всегда без «алло» и вступления затрещала на другом конце линии: «Слушай, я совсем забегалась, у меня от её ноги подвернутой уже мозги завернулись! У этой свекрови все доктора шарлатаны: то один не нравится, то другой! И главное, все погибели её хотят, чтоб её органы антикварные заполучить! Прямо нужны они кому! Аж слов не хватает!»

А у Неллочки слов как раз хватало, их накопилось так много, что было трудно дышать, да только некому было их высказать. И с Капкой, как она поняла, был пролёт.

«А у тебя важное чё? – не останавливалась Капка, – нет? Ну ладно тогда, помчалась я! Потом поговорим...ой..бегу!» – не договорив, Капка бросила трубку.

Выключив кофеварку, Неллочка опять начала бесцельно кружить по дому, как призрак, обходящий свои бывшие владения, свою крепость, которую Неллочка возводила годами и с высоты которой она вдруг соскользнула и отчаянно полетела вниз. Её семейное спокойствие и комфорт теперь казались бессмысленными, ненастоящими, как ненатуральный ягодный аромат от клубничного средства для мытья посуды. Настоящими были только те несколько часов, проведённые с незнакомым человеком в кофейне на набережной, а потом в машине на парковке, под большим деревом, с которого, как золотистые чешуйки, падали листья. За один вчерашний день этот незнакомый человек заполнил её жизнь, как осенний листопад до неба заполняет городское пространство в октябре.

Проходя в который раз мимо окна, Неллочка нечаянно взглянула на телефон на журнальном столике – красным крольчихьим глазком моргала кнопка автоответчика. Кто-то оставил сообщение в Неллочкино отсутствие (почему не на мобильник?!). Неллочка нажала на «глазок»: «Миссис Ричардс, это медицинская сестра Келли Хоггс из госпиталя Святого Джозефа. Сегодня около девяти утра Ваш муж, Джеймс Ричардс, попал в аварию на автостраде I-95 южного направления при повороте на Гринфилд. В настоящий мо-

мент мистер Ричардс находится в госпитале в отделении интенсивной терапии. Приезжайте как можно скорее. Большое спасибо!» В автоответчике раздался лёгкий щелчок, означающий конец записи, а потом автоматический бесполоый голос равнодушно признал: «Других сообщений нет».

Перед глазами у Неллочки медленно всплыла искореженная синяя машина на обочине. Неллочка попыталась переглотнуть и не смогла, потому что почувствовала, будто чья-то сухая и горячая рука схватила её за горло и стала безжалостно сжимать пальцы. Эта хватка не ослабевала, когда Неллочкина машина, почти не касаясь колёсами скользкого асфальта, летела по направлению к госпиталю Святого Джозефа; когда Неллочка, не читая надписей, металась по белому лабиринту отделения интенсивной терапии; когда, не понимая от волнения ни слова по-английски, слушала сестру Хоггс, объяснявшую, куда надо идти. И только когда Неллочка ворвалась в указанную палату, невидимая рука, сжимавшая горло, чуть обмякла. Неллочка замерла на пороге, увидев посреди комнаты одну единственную высокую кровать, окруженную строительными лесами капельниц. В палате стояла такая тишина, что прослушивалось едва уловимое гудение лампы дневного света и равномерный отсчёт падающих капель в пластиковых трубках капельниц. Рядом с кроватью стоял высокий продолговатый столик, из-за которого с первого взгляда было трудно определить, лежит ли на кровати пациент или кровать просто неровно застелена,

и только по слабому подрагиванию покрывала угадывалось человеческое дыхание.

Неллочка медленно подошла ближе. На кровати лежал её маленький Джимми. Она сразу его узнала даже с перебинтованной головой, распухшей губой и отекающей скулой, заклеенной лейкопластырем, из-под которого виднелся багровый подтёк. Глаза Джимми были полузакрыты и Неллочка не понимала, находится ли Джимми в сознании или нет.

В палату зашёл медбрат. Высоченный, похожий на баскетболиста, афроамериканец.

«Доктор будет через минуту, мэм», – сказал он и нажал кнопку на пульте, встроенном в поручень на одной стороне кровати. Кровать слегка задрожала, её передняя половина медленно поехала вверх и через несколько секунд остановилась, подняв голову и спину Джимми до полулежачего положения. Джимми не пошевелился. Медбрат стал поправлять ему подушку, а Неллочка, боясь взглянуть на неподвижное лицо Джимми, старалась смотреть только на блестящую темнокожую шею медбрата, пронзительно контрастирующую с белоснежной госпитальной униформой.

«Эспрессо со сливками, – вдруг мысленно отметила Неллочка и тут же заругалась на себя, – кофеманка чертова!» Ей вдруг стало так стыдно за свои мысли не о Джимми и страшно от того, что произошло. Неллочка беззвучно заплакала: Джимми, кровать, столик для лекарств, капельницы – всё вокруг вдруг смазлось и расплылось в густую серую мас-

су. Единственное, что Неллочка была в состоянии различить сквозь слёзную завесу, была капелька крови, запекшаяся на потускневшей рыжей щетине Джимми, от которой Неллочка не отводила глаз, чтобы не поскользнуться в размягшем пространстве и не упасть.

– Come on, no crying!» – от бодрых слов на английском Неллочка вздрогнула и будто вынырнула из серого тумана на свет. В палату вошёл улыбающийся доктор.

– Он сильный парень, – обратился доктор к Неллочке, – он справится, всё будет отлично!

Доктор слегка тронул Джимми за плечо и тот открыл глаза.

– Джимми, это я! Как ты?! Как ты себя чувствуешь? Хочешь что-нибудь? Что-нибудь принести? – Неллочка выпалила сразу несколько вопросов в надежде, что Джимми выберет хоть один, на который ему будет легче всего ответить. Разбитая губа чуть дернулся в сторону – Джимми узнал Неллочку и пытался что-то сказать.

– Honey..., – губа не слушалась, – I...

– Что?! Что?! – почти выкрикнула Неллочка в лицо Джимми.

– I love you, – беззвучно прошептал Джимми и закрыл глаза. Неллочка попыталась улыбнуться и заплакала ещё сильнее.

– Ну, миссис Ричардс, слёзы – это лишнее! – с мягким укором сказал доктор, – за несколько дней мы приведём его в

полный порядок. Марвэл, проверьте капельницу, – обратился доктор к медбрату, а я пока переговорю с сестрой Хоггс. Мы ещё увидимся, миссис Ричардс, и не забывайте, всё будет хорошо!

Доктор вышел. От его слов на Неллочку повеяло уверенностью и спокойствием, но она никак не могла перестать плакать: сегодня утром в её жизни уже произошла одна потеря, а сейчас, глядя на перебинтованного Джимми, Неллочка поняла, что вторую потерю, в отличие от первой такую реальную, как запекшаяся капелька крови у Джимми на бороде, она не переживёт.

– Простите..., – Неллочка обратилась к медбрату, но от душевного измождения остановилась, чтобы собрать остаток сил и закончить фразу, – можно мне остаться в госпитале на ночь?

– Конечно, мэм! – ответил медбрат, – я предупрежу доктора и скажу, чтобы Вам принесли раскладную кровать.

– Спасибо, – закивала головой Неллочка и слёзы ещё чаще закапали у неё с кончика носа, но именно в эту минуту Неллочка первый раз за день почувствовала, что ей стало легче дышать.

Через полчаса Неллочка уже сидела на краешке раскладной кровати и наблюдала, как Джимми спит под тихое гудение больничных ламп. Дыхание под белым покрывалом было ещё слабым, но уже ровнее. Наверное, как обещал доктор,

всё будет в полном порядке...

Неллочка оглядела палату. Только сейчас она заметила, что здесь есть окно, а за ним деревья с опадающими листьями. От переживаний и голода (за весь день кроме кофе она ничего не ела!) у Неллочки не было сил, чтобы подойти к окну, но даже издали в начинающихся сумерках она видела, что листья были похожи на золотистые чешуйки. Не раздеваясь, Неллочка устало склонилась к чуть скользкой поверхности больничной простыни, всё продолжая зачарованно смотреть на падающие листья, пока не почувствовала, что погружается куда-то глубоко, откуда не было слышно ни гудения ламп, ни голоса сестры Хоггс за дверью палаты, ни постукивания кофейных ложечек, шипения блестящих кофеварок и шумного гомона посетителей...

Последним усилием засыпающего человека Неллочка дотянулась до кровати Джимми и взяла его за руку: «Пусть он будет счастливым. Я постараюсь...», – подумала она и, словно рыбка, растворилась в волнах безбрежного сна.